БЕОВУЛЬФ

Героический эпос

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беовульф. Героический эпос
Эпосы, легенды и сказания

Аннотация
Беовульф. Героический эпос
Средневековый героический эпос германских народов
Беовульф
Примечания

Аннотация

Шедевр средневековой литературы, заложивший основы европейского героического эпоса.

В основе поэмы – сказания о подвигах Беовульфа, гаутского витязя, пришедшего на помощь датскому королю Хродгару, чей пиршественный зал Хеорот терроризирует чудовище Грендель. Победив его и его мать – древнюю тварь из подводного мира, – Беовульф обретает славу, но спустя годы, уже будучи королём, вынужден вступить в последний бой – с драконом, стерегущим роковой клад.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Беовульф. Героический эпос

Серия «Всемирная литература (новое оформление)»

Перевод с древнеанглийского *В. Тихомирова*

Вступительная статья *А. Гуревича*

Примечания *В. Львова*

© А. Гуревич, вступительная статья. Наследники, 2025
© В. Тихомиров, перевод. Наследники, 2025
© В. Львов, примечания, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Средневековый героический эпос германских народов

Произведения героической поэзии, представленные в этом томе, относятся к Средневековью — раннему (англосаксонский «Беовульф») и классическому (исландские песни «Старшей Эдды» и немецкая «Песнь о нибелунгах»). Истоки же германской поэзии о богах и героях — гораздо более древние. Уже Тацит, который одним из первых оставил описание германских племен, упоминает древние песни их о мифических предках и вождях: эти песни, по его утверждению, заменяли варварам историю. Замечание римского историка очень существенно: в эпосе воспоминания об исторических событиях сплавлены с мифом и сказкой, причем элементы фантастический и исторический в равной мере принимались за действительность. Разграничения между «фактами» и «вымыслом» применительно к эпосу в ту эпоху не проводилось. Но древнегерманская поэзия нам неизвестна, ее некому было записать. Темы и мотивы, бытовавшие в ней в устной форме на протяжении веков, отчасти воспроиз-

водятся в публикуемых ниже памятниках. Во всяком случае, в них нашли отражение события периода Великих переселений народов (V–VI века). Однако по «Беовульфу» или скандинавским песням, не говоря уже о «Песни о нибелунгах», нельзя восстановить духовную жизнь германцев эпохи господства родового строя. Переход от устного творчества певцов и сказителей к «книжному эпосу» сопровождался более или менее значительными изменениями в составе, объеме и в содержании песен. Достаточно напомнить о том, что в устной традиции песни, из которых затем развились эти эпические произведения, существовали в языческий период, тогда как письменную форму они приобрели столетия спустя после христианизации. Тем не менее христианская идеология не определяет содержания и тональности эпических поэм, и это становится особенно ясным при сравнении германского героического эпоса со средневековой латинской литературой, как правило, глубоко пронизанной церковным духом[1].

[1] Примечания: 1

Впрочем, сколь различные оценки получала мировоззренческая основа эпической поэзии, явствует хотя бы из следующих двух суждений о «Песни о нибелунгах»: «в основе языческая»; «средневеково-христианская». Первая оценка — Гёте, вторая — А.-В. Шлегеля.

Эпическое произведение универсально по своим функциям. Сказочно-фантастическое не отделено в нем от реального. Эпос содержит сведения о богах и других сверхъестественных существах, увлекательные рассказы и поучительные примеры, афоризмы житейской мудрости и образцы героического поведения; назидательная функция его столь же неотъемлема, как и познавательная. Он охватывает и трагическое, и комическое. На той стадии, когда возникает и развивается эпос, у германских народов не существовало в качестве обособленных сфер интеллектуальной деятельности знаний о природе и истории, философии, художественной литературы или театра, — эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать. Эпос вмещал в себя древнюю мудрость, знание его считалось необходимым для каждого члена общества.

Целостности жизненного охвата соответствует и цельность выводимых в эпосе характеров. Герои эпоса вырублены из одного куска, каждый олицетворяет какое-то качество, детерминирующее

его сущность. Беовульф — идеал мужественного и решительного воина, неизменного в верности и дружбе, щедрого и милостивого короля. Гудрун — воплощенная преданность роду, женщина, мстящая за гибель братьев, не останавливаясь перед умерщвлением собственных сыновей и мужа, подобно (но вместе с тем и в противоположность) Кримхильде, которая губит своих братьев, карая их за убийство любимого супруга Зигфрида и отнятие у нее золотого клада. Эпический герой не мучим сомнениями и колебаниями, его характер выявляется в действиях; речи его столь же однозначны, как и поступки. Эта монолитность героя эпоса объясняется тем, что он знает свою судьбу, принимает ее как должное и неизбежное и смело идет ей навстречу. Эпический герой не свободен в своих решениях, в выборе линии поведения. Собственно, его внутренняя сущность и та сила, которую героический эпос именует Судьбою, совпадают, идентичны. Поэтому герою остается лишь наилучшим образом доблестно выполнить свое предназначение. Отсюда — своеобразное, может быть, на иной вкус немного примитивное, величие эпических героев.

При всех различиях в содержании, тональности, равно как и в условиях и времени их

возникновения, эпические поэмы не имеют автора. Дело не в том, что имя автора неизвестно[2], — анонимность эпических произведений принципиальна: лица, которые объединили, расширили и переработали находившийся в их распоряжении поэтический материал, не осознавали себя в качество авторов написанных ими произведений. Это, разумеется, не означает, что в ту эпоху вообще не существовало понятия авторства. Известны имена многих исландских скальдов, которые заявляли о своем «авторском праве» на исполняемые ими песни. «Песнь о нибелунгах» возникла в период, когда творили крупнейшие немецкие миннезингеры и по французским образцам создавались рыцарские романы; эту песнь написал современник Вольфрама фон Эшенбаха, Гартмана фон Ауэ, Готфрида Страсбургского и Вальтера фон дер Фогельвейде. И тем не менее поэтическая работа над традиционным эпическим сюжетом, над героическими песнями и преданиями, которые в более ранней форме были всем знакомы, в Средние века не оценивалась как творчество ни обществом, ни самим поэтом, создававшим такого рода про-

[2] Примечания: 2

В науке не раз делались — неизменно малоубедительные — попытки установить авторов эддических песен или «Песни о нибелунгах».

изведения, но не помышлявшим о том, чтобы упомянуть свое имя[3].

Черпая из общего поэтического фонда, составитель эпической поэмы сосредоточивал внимание на избранных им героях и сюжете, оттесняя на периферию повествования многие другие связанные с этим сюжетом предания. Подобно тому как луч прожектора высвечивает отдельный кусок местности, оставляя во мраке большую ее часть, так и автор эпической поэмы (автор в указанном сейчас смысле, т. е. поэт, лишенный авторского самосознания), разрабатывая свою тему, ограничивался намеками на ее ответвления, будучи уверен в том, что его аудитории уже известны все события и персонажи, как воспеваемые им, так и те, которые лишь вскользь им упоминались. Сказания и мифы германских народов нашли лишь частичное воплощение в их эпических поэмах, сохранившихся в письменном виде, — остальное либо пропало, либо может быть восстановлено только косвенным путем. В песнях «Эдды» и в «Беовульфе» в изобилии разбросаны беглые

[3] Примечания: 3

Сказанное относится и к некоторым видам прозаического творчества, например к исландским сагам и ирландским сказаниям. См. предисловие М. И. Стеблин-Каменского к изданию исландских саг в «Библиотеке всемирной литературы».

указания на королей, их войны и раздоры, на мифологических персонажей и предания. Немногословных аллюзий было вполне достаточно для того, чтобы в сознании слушателей или читателей героического эпоса возникли соответствующие ассоциации. Эпос обычно не сообщает чего-либо совершенно нового. Сила его эстетического и эмоционального воздействия от того нисколько не умаляется, — наоборот, в архаическом и в средневековом обществе наибольшее удовлетворение доставляло, по-видимому, не получение оригинальной информации, или не только ее, но и узнавание ранее известного, новое подтверждение старых и потому особенно ценимых истин[4].

Эпический поэт, обрабатывая не ему принадлежавший материал, героическую песнь, миф, сказание, легенду, широко применяя традиционные выражения, устойчивые сравнения и формулы, образные клише, заимствованные из устного народного творчества, не мог считать себя самостоятельным творцом, сколь на самом деле ни был велик его вклад в окончательное со-

---

[4] Примечания: 4

Не будет ли здесь уместно сравнение с детским восприятием сказки? Ребенок знает ее содержание, но его удовольствие от все нового ее прослушивания не убывает.

здание героической эпопеи. Это диалектическое сочетание нового и воспринятого от предшественников постоянно порождает в современном литературоведении споры: наука склоняется то к подчеркиванию народной основы эпоса, то в пользу индивидуального творческого начала в его создании.

Формой германской поэзии на протяжении целой эпохи оставался топический аллитерационный стих. Особенно долго эта форма сохранялись в Исландии, тогда как у континентальных германских народов уже в раннее Средневековье она сменяется стихом с конечной рифмой. «Беовульф» и песни «Старшей Эдды» выдержаны в традиционной аллитерационной форме, «Песнь о нибелунгах» — в новой, основанной на рифме. Старогерманское стихосложение опиралось на ритм, определявшийся числом ударных слогов в стихотворной строке. Аллитерация — созвучие начальных звуков слов, стоявших под смысловым ударением и повторявшихся с определенной регулярностью в двух соседних строках стиха, которые в силу этого оказывались связанными. Аллитерация слышна и значима в германском стихе, поскольку ударение в германских языках преимущественно падает на первый слог

слова, являющийся вместе с тем его корнем. Понятно поэтому, что воспроизведение этой формы стихосложения в русском переводе почти невозможно. Весьма затруднительно передать и другую особенность скандинавского и древнеанглийского стиха, так называемый кеннинг (буквально — «обозначение») — поэтический перифраз, заменяющий одно существительное обычной речи двумя или несколькими словами. Кеннинги применялись для обозначения наиболее существенных для героической поэзии понятий: «вождь», «воин», «меч», «щит», «битва», «корабль», «золото», «женщина», «ворон», причем для каждого из этих понятий существовало по нескольку или даже по многу кеннингов. Вместо того чтобы сказать «князь», в поэзии употребляли выражение «даритель колец», распространенным кеннингом воина был «ясень сражения», меч называли «палкой битвы» и т. д. В «Беовульфе» и в «Старшей Эдде» кеннинги обычно двучленные, в скальдической же поэзии встречаются и многочленные кеннинги.

«Песнь о нибелунгах» построена на «кюренберговой строфе», которая состоит из четырех попарно рифмованных стихов. Каждый стих разделен на два полустишия с четырьмя ударны-

ми слогами в первом полустишии, тогда как во втором полустишии первых трех стихов — по три ударения, а во втором полустишии последнего стиха, завершающем строфу и формально, и по смыслу, — четыре ударения. Перевод «Песни о нибелунгах» со средневерхненемецкого языка на русский не встречает таких трудностей, как перевод аллитерированной поэзии, и дает представление о ее метрической структуре.

Беовульф

Единственная существующая рукопись «Беовульфа» датируется примерно 1000 годом. Но сама эпопея относится, по мнению большинства специалистов, к концу VII или к первой трети VIII века. В тот период англосаксы уже переживали начинавшийся процесс зарождения феодальных связей. Поэме, однако, присуща эпическая архаизация. Кроме того, она рисует действительность со специфической точки зрения: мир «Беовульфа» — это мир королей и дружинников, мир пиров, битв и поединков.

Фабула этой крупнейшей из англосаксонских эпопей несложна. Беовульф, молодой витязь из народа гаутов, узнав о бедствии, которое обрушилось на короля данов Хигелака, — о нападениях

чудовища Гренделя на его дворец Хеорот и о постепенном истреблении им в течение двенадцати лет дружинников короля, отправляется за море, чтобы уничтожить Гренделя. Победив его, он затем убивает в новом единоборстве, на этот раз в подводном жилище, другое чудовище — мать Гренделя, которая пыталась отмстить за смерть сына. Осыпанный наградами и благодарностями, возвращается Беовульф к себе на родину. Здесь он совершает новые подвиги, а впоследствии становится королем гаутов и благополучно правит страной на протяжении пятидесяти лет. По истечении этого срока Беовульф вступает в бой с драконом, который опустошает окрестности, будучи разгневан покушением на охраняемый им древний клад. Беовульфу удастся победить и это чудовище, но — ценою собственной жизни. Песнь завершается сценой торжественного сожжения на погребальном костре тела героя и сооружения кургана над его прахом и завоеванным им кладом.

Эти фантастические подвиги перенесены, однако, из ирреального мира сказки на историческую почву и происходят среди народов Северной Европы: в «Беовульфе» фигурируют датчане,

шведы, гауты[5], упоминаются другие племена, названы короли, которые некогда действительно ими правили. Но это не относится к главному герою поэмы: сам Беовульф, видимо, не имел исторического прототипа. Поскольку в существование великанов и драконов тогда все верили безоговорочно, то соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным. Любопытно, что англосаксонский эпос игнорирует Англию (это породило, между прочим, ныне отвергнутую теорию о скандинавском его происхождении). Но, может быть, эта черта «Беовульфа» не покажется столь уж разительной, если иметь в виду, что и в других произведениях англосаксонской поэзии мы встречаем самые различные народы Европы и что с тем же фактом мы столкнемся и в песнях «Старшей Эдды», а отчасти и в «Песни о нибелунгах».

В духе теорий, господствовавших в науке в середине XIX века, некоторые толкователи «Беовульфа» утверждали, что поэма возникла в

[5] Примечания: 5

Кто такие гауты «Беовульфа», остается спорным. В науке предлагались разные толкования: готы Южной Швеции или острова Готланд, юты Ютландского полуострова и даже древние геты Фракии, которых, в свою очередь, в Средние века смешивали с библейскими Гогом и Магогом.

результате объединения различных песен; было принято рассекать ее на четыре части: поединок с Гренделем, поединок с его матерью, возвращение Беовульфа на родину, поединок с драконом. Высказывалась точка зрения, что первоначально чисто языческая поэма была частично переработана в христианском духе, вследствие чего в ней и возникло переплетение двух мировоззрений. Затем большинство исследователей стали считать, что переход от устных песен к «книжному эпосу» не сводился к простой их фиксации; эти ученые рассматривали «Беовульф» как единое произведение, «редактор» которого по-своему объединил и переработал имевшийся в его распоряжении материал, изложив традиционные сюжеты более пространно. Нужно, однако, признать, что о процессе становления «Беовульфа» ничего не известно.

В эпопее немало фольклорных мотивов. В самом начале упоминается Скильд Скеванг — «найденыш». Лодку с младенцем Скильдом прибило к берегам Дании, народ которой был в то время беззащитен из-за отсутствия короля; впоследствии Скильд стал правителем Дании и основал династию. После смерти Скильда вновь положили на корабль и вместе с сокровищами

отправили туда, откуда он прибыл, — чисто сказочный сюжет. Великаны, с которыми сражается Беовульф, сродни великанам скандинавской мифологии, и единоборство с драконом — распространенная тема сказки и мифа, в том числе и северного. В юности Беовульф, который, выросши, приобрел силу тридцати человек, был ленив и не отличался доблестями, — не напоминает ли это молодость других героев народных сказаний, например Ильи Муромца? Приход героя по собственному почину на помощь терпящим бедствие, перебранка его с оппонентом (обмен речами между Беовульфом и Унфертом), испытание доблести героя (рассказ о состязании в плавании Беовульфа и Бреки), вручение ему магического оружия (меч Хрунтинг), нарушение героем запрета (Беовульф отнимает клад в поединке с драконом, не ведая, что над сокровищем тяготеет заклятье), помощник в единоборстве героя с врагом (Виглаф, пришедший на выручку Беовульфу в момент, когда тот был близок к гибели), три боя, которые дает герой, причем каждый последующий оказывается более трудным (битвы Беовульфа с Гренделем, с его матерью и с драконом), — все это элементы волшебной сказки. Эпопея хранит многие следы своей предыстории,

коренящейся в народном творчестве. Но трагический финал — гибель Беовульфа, равно как и исторический фон, на котором развертываются его фантастические подвиги, отличают поэму от сказки, — это признаки героического эпоса.

Представители «мифологической школы» в литературоведении XIX века пытались расшифровать этот эпос таким образом: чудовища олицетворяют бури Северного моря; Беовульф — доброе божество, обуздывающее стихии; его мирное правление — благодатное лето, а его смерть — наступление зимы. Таким образом, в эпосе символически изображены контрасты природы, рост и увядание, подъем и упадок, юность и старость. Другие ученые понимали эти контрасты в этическом плане и видели в «Беовульфе» тему борьбы добра и зла. Символическому и аллегорическому толкованию поэмы не чужды и те исследователи, которые вообще отрицают ее эпический характер и считают ее сочинением клирика или монаха, знавшего и использовавшего раннехристианскую литературу. Эти толкования в значительной мере упираются в вопрос о том, выражен ли в «Беовульфе» «дух христианства» либо перед нами — памятник языческого сознания. Сторонники понимания его

как народного эпоса, в котором живы верования героической поры Великих переселений, естественно, находили в нем германское язычество и сводили к минимуму значение церковного влияния. Напротив, те современные ученые, которые причисляют поэму к разряду письменной литературы, переносят центр тяжести на христианские мотивы; в язычестве же «Беовульфа» видят не более как стилизацию под старину. В новейшей критике заметна тенденция к перемещению внимания с анализа содержания поэмы на изучение ее фактуры и стилистики. В середине нашего века преобладало отрицание связи «Беовульфа» с эпической фольклорной традицией. Между тем за последние годы ряд специалистов склонен считать распространенность в тексте поэмы стереотипных выражений и формул свидетельством ее происхождения из устного творчества. В науке не существует общепринятой концепции, которая бы достаточно удовлетворительно объясняла «Беовульфа». Между тем без толкования не обойтись. «Беовульф» труден для современного читателя, воспитанного на совсем иной литературе и склонного, пусть невольно, переносить и на древние памятники представления, сложившиеся при знакомстве с художественными

творениями нового времени.

В пылу научных споров подчас забывают: независимо от того, каким путем возникла поэма, была ли она составлена из разных кусков или нет, средневековой аудиторией она воспринималась как нечто целое. Это касается и композиции «Беовульфа», и трактовки в нем религии. Автор и его герои часто поминают Господа Бога; в эпопее встречаются намеки на библейские сюжеты, видимо, понятные тогдашней «публике»; язычество явно осуждается. Вместе с тем «Беовульф» пестрит ссылками на Судьбу, которая то выступает в качестве орудия творца и идентична божественному Провидению, то фигурирует как самостоятельная сила. Но вера в Судьбу занимала центральное место в дохристианской идеологии германских народов. Родовая кровная месть, которую церковь осуждала, хотя нередко вынуждена была терпеть, в поэме прославляется и считается обязательным долгом, а невозможность мести расценивается как величайшее несчастье. Короче говоря, идеологическая ситуация, рисующаяся в «Беовульфе», достаточно противоречива. Но это противоречие жизни, а не простая несогласованность между более ранней и последующими редакциями поэмы. Англосаксы VII–VIII веков были христианами,

но христианская религия в то время не столько преодолела языческое мировосприятие, сколько оттеснила его из официальной сферы на второй план общественного сознания. Церкви удалось уничтожить старые капища и поклонение языческим божкам, жертвоприношения им, что же касается форм человеческого поведения, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. Мотивы, которые движут поступками персонажей «Беовульфа», определяются отнюдь не христианскими идеалами смирения и покорности воле божьей. «Что общего между Ингельдом и Христом?» — вопрошал известный церковный деятель Алкуин век спустя после создания «Беовульфа» и требовал, чтобы монахи не отвлекались от молитвы героическими песнями. Ингельд фигурирует в ряде произведений; упомянут он и в «Беовульфе». Алкуин сознавал несовместимость идеалов, воплощенных в подобных персонажах героических сказаний, с идеалами, проповедуемыми духовенством.

То, что религиозно-идеологический климат, в котором возник «Беовульф», был не однозначен, подтверждается и археологической находкой в Саттон Ху (Восточная Англия). Здесь в 1939 году было обнаружено захоронение в ладье знатного

лица, датируемое серединой VII века. Погребение было совершено по языческому обряду, вместе с ценными вещами (мечами, шлемами, кольчугами, кубками, знаменем, музыкальными инструментами), которые могли понадобиться королю в ином мире.

Трудно согласиться с теми исследователями, которых разочаровывает «банальность» сцен поединков героя с чудовищами. Эти схватки поставлены в центре поэмы вполне правомерно, — они выражают главное ее содержание. В самом деле, мир культуры, радостный и многоцветный, олицетворяется в «Беовульфе» Хеоротом — чертогом, сияние которого распространяется «на многие страны»; в его пиршественном зале бражничают и веселятся вождь и его сподвижники, слушая песни и сказания скопа — дружинного певца и поэта, прославляющего их боевые деяния, равно как и деяния предков; здесь вождь щедро одаривает дружинников кольцами, оружием и другими ценностями. Такое сведение «срединного мира» (middangeard) к дворцу короля (ибо все остальное в этом мире обойдено молчанием) объясняется тем, что «Беовульф» — героический эпос, который сложился, во всяком случае в известной нам форме, в дружинной среде.

Хеороту, «Оленьему залу» (его кровля украшена позолоченными рогами оленя) противостоят дикие, таинственные и полные ужаса скалы, пустоши, болота и пещеры, в которых обитают чудовища. Контрасту радости и страха соответствует в этом противоположении контраст света и мрака. Пиры и веселье в сияющем золотом зале происходят при свете дня, — великаны выходят на поиски кровавой добычи под покровом ночи. Вражда Гренделя и людей Хеорота — не единичный эпизод; это подчеркивается не только тем, что гигант свирепствовал на протяжении двенадцати зим, до того как был сражен Беовульфом, но и прежде всего самою трактовкой Гренделя. Это не просто великан, — в его образе совместились (хотя, может быть, и не слились воедино) разные ипостаси зла. Чудовище германской мифологии, Грендель вместе с тем и существо, поставленное вне общения с людьми, отверженный, изгой, «враг», а по германским верованиям человек, запятнавший себя преступлениями, которые влекли изгнание из общества, — как бы терял человеческий облик, становился оборотнем, ненавистником людей. Пение поэта и звуки арфы, доносящиеся из Хеорота, где пирует король с дружиной, пробуждают в Гренделе ярость. Но

этого мало — в поэме Грендель назван «потомком Каина». На старые языческие верования напластовываются христианские представления. На Гренделе лежит древнее проклятье, он назван «язычником» и осужден на адские муки. И вместе с тем он и сам подобен дьяволу. Формирование идеи средневекового черта в то время, когда создавался «Беовульф», далеко не завершилось, и в не лишенной противоречивости трактовке Гренделя мы застаем любопытный промежуточный момент этой эволюции.

То, что в этом «многослойном» понимании сил зла переплетаются языческие и христианские представления, не случайно. Ведь и понимание бога-творца в «Беовульфе» не менее своеобразно. В поэме, многократно упоминающей «повелителя мира», «могучего бога», ни разу не назван Спаситель Христос. В сознании автора и его аудитории, по-видимому, не находит места небо в богословском смысле, столь занимавшее помыслы средневековых людей. Ветхозаветные компоненты новой религии, более понятные недавним язычникам, преобладают над евангельским учением о Сыне Божием и загробном воздаянии. Зато мы читаем в «Беовульфе» о «герое под небесами», о человеке, который заботится не

о спасении души, но об утверждении в людской памяти своей земной славы. Поэма заканчивается словами: из всех земных вождей Беовульф более всех был щедр, милостив к своим людям и жаден до славы!

Жажда славы, добычи и княжеских наград — вот высшие ценности для германского героя, как они рисуются в эпосе, это главные пружины его поведения. «Каждого смертного ждет кончина! — //пусть же, кто может, вживе заслужит//вечную славу! Ибо для воина//лучшая плата — память достойная!» (ст. 1386 след.). Таково кредо Беовульфа. Когда он должен нанести решительный удар своему противнику, он сосредоточивается на мысли о славе. «(Так врукопашную//должно воителю идти, дабы славу//стяжать всевечную, не заботясь о жизни!)» (ст. 1534 след.) «Уж лучше воину//уйти из жизни, чем жить с позором!» (стихи 2889–2890).

Не меньше славы воины домогаются подарков вождя. Нашейные кольца, браслеты, витое или пластинчатое золото постоянно фигурируют в эпосе. Устойчивое обозначение короля — «ломающий гривны» (дарили подчас не целое кольцо, то было значительное богатство, а части его). Современного читателя, пожалуй, удручат и покажутся

монотонными все вновь возобновляющиеся описания и перечисления наград и сокровищ. Но он может быть уверен: средневековую аудиторию рассказы о дарах нисколько не утомляли и находили в ней живейший отклик. Дружинники ждут подарков вождя прежде всего как убедительных знаков своей доблести и заслуг, поэтому они их демонстрируют и гордятся ими. Но в ту эпоху в акт дарения вождем драгоценности верному человеку вкладывали и более глубокий, сакральный смысл. Как уже упомянуто, языческая вера в судьбу сохранялась в период создания поэмы. Судьба понималась не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля отдельного человека, его везенье, счастье; у одних удачи больше, у других меньше. Могучий король, славный предводитель — наиболее «богатый» счастьем человек. Уже в начале поэмы мы находим такую характеристику Хродгара: «Хродгар возвысился в битвах удачливый,//без споров ему покорились сородичи…» (ст. 64 след.). Существовала вера, что везенье вождя распространяется и на дружину. Награждая своих воинов оружием и драгоценными предметами — материализацией своей удачи, вождь мог передать им частицу этого везенья. «Владей, о Беовульф, себе на радость//Воитель сильный да-

рами нашими —//кольцом и запястьями, и пусть сопутствует//тебе удача!» — говорит королева Вальхтеов Беовульфу (ст. 1216 след.).

Но мотив золота как зримого, ощутимого воплощения удачи воина в «Беовульфе» вытесняется, очевидно под христианским влиянием, новой его трактовкой — как источника несчастий. В этой связи особый интерес представляет последняя часть поэмы — единоборство героя с драконом. В отместку за похищение драгоценности из клада дракон, который сторожил эти древние сокровища, нападает на селения, предавая огню и гибели окружающую страну. Беовульф вступает в схватку с драконом, но нетрудно убедиться, что автор поэмы не усматривает причины, побудившей героя на этот подвиг, в учиненных чудовищем злодеяниях. Цель Беовульфа — отнять у дракона клад. Дракон сидел на кладе три столетия, но еще прежде эти ценности принадлежали людям, и Беовульф желает возвратить их роду человеческому. Умертвив страшного врага и сам получив роковую рану, герой выражает предсмертное желание: увидеть золото, которое он вырвал из когтей его стража. Созерцание этих богатств доставляет ему глубокое удовлетворение. Однако затем происходит нечто прямо противоречащее

словам Беовульфа о том, что он завоевал клад для своего народа, а именно: на погребальный костер вместе с телом короля его сподвижники возлагают и все эти сокровища и сжигают их, а остатки погребают в кургане. Над кладом тяготело древнее заклятье, и он бесполезен людям; из-за этого заклятья, нарушенного по неведению, Беовульф, по-видимому, и погибает. Поэма завершается предсказанием бедствий, которые обрушатся на гаутов после кончины их короля.

Борьба за славу и драгоценности, верность вождю, кровавая месть как императив поведения, зависимость человека от царящей в мире Судьбы и мужественная встреча с нею, трагическая гибель героя — все это определяющие темы не одного только «Беовульфа», но и других памятников германского эпоса.

А. Гуревич

Беовульф

1

Истинно! исстари
слово мы слышим
о доблести данов,
о конунгах датских,
чья слава в битвах
была добыта!

Первый – Скильд Скевинг,
войсководитель,
не раз отрывавший
вражьи дружины
от скамей бражных.
За все, что он выстрадал
в детстве, найденыш,
ему воздалось:
стал разрастаться
властный под небом
и, возвеличенный,

силой принудил
10 народы заморья
дорогой китов
дань доставить
достойному власти.
Добрый был конунг!
В недолгом времени
сын престола,
наследник родился,
посланный Богом
людям на радость
и в утешение,
ибо Он видел
их гибель и скорби
в век безначалия, —
от Вседержителя вознаграждение,
от Жизнеподателя благонаследие,
знатен был Беовульф,
Скильдово семя,
в датских владениях.
С детства наследник
20 добром и дарами

дружбу дружины
должен стяжать,
дабы, когда возмужает,
соратники
стали с ним о бок,
верные долгу,
если случится война, —
ибо мужу
должно достойным
делом в народе
славу снискать!
В час предначертанный
Скильд отошел,
воеводитель
в пределы Предвечного.
Тело снесли его
слуги любимые
на берег моря,
как было завещано
3 °Скильдом, когда еще
слышали родичи
голос владычный

в дни его жизни.
Челн крутогрудый
вождя дожидался,
льдисто искрящийся
корабль на отмели:
там был он возложен
на лоно ладейное,
кольцедробитель;
с ним же, под мачтой,
груды сокровищ —
добыча походов.
Я в жизни не видывал
ладьи, оснащенной
лучше, чем эта,
орудьями боя,
одеждами битвы —
мечами, кольчугами:
40 всё – самоцветы,
оружие, золото —
вместе с властителем
будет скитаться
по воле течений.

В дорогу владыку
они наделили
казной не меньшей,
чем те, что когда-то
в море отправили
Скильда-младенца
в суденышке утлом.
Стяг златотканый
высоко над ложем
на мачте упрочив,
они поручили
челн теченьям:
сердца их печальны,
сумрачны души,
и нет человека
50 из воинов этих,
стоящих под небом,
живущих под крышей,
кто мог бы ответить,
к чьим берегам
причалит плывущий.

2

Долго правил
твердыней данов
Беовульф датский,
народоводитель
Скильдинг, наследник
единодержца,
пока не сменил его
сын его, Хальфдан
славный, что властил
до самой смерти, —
и в старости Скильдинг
бойцом был отменным.
Родилось на землю
от Хальфдана четверо:
60 Херогар, Хродгар,
Хальга Добрый
и дочь, которая,
слышал я, стала
подругой Онелы
в опочивальне,

супругой Скильвинга,
конунга шведского.
Хродгар возвысился
в битвах удачливый,
без споров ему
покорились сородичи,
выросло войско
из малой дружины
в силу великую.
Он же задумал
данов подвигнуть
на труд небывалый:
хоромы строить,
чертог для трапез,
70 какого люди
вовек не видывали;
там разделял бы он
со старыми, с юными
все, чем богат был
по милости Божьей, —
только земля неделима
и войско едино.

Слышал я также,
по воле владыки
от дальних пределов
народы сходились
дворец возводить
и воздвигли хоромы
в срок урочный,
а тот, чье слово
было законом,
нарек это чудо
Палатой Оленя,
именем Хеорот;
80 там золотые
дарил он кольца
всем пирующим.
Дом возвышался,
рогами увенчанный;
недолговечный,
он будет предан
пламени ярому
в распре меж старым
тестем и зятем —

скоро нагрянули
зло и убийство.

Тут разъярился
дух богомерзкий,
житель потемков,
который вседневно
слышал застольные
клики в чертогах:
там арфа пела
и голос ясный
90 песносказителя,
что преданье
повел от начала,
от миротворенья;
пел он о том,
как Создатель устроил
сушу – равнину,
омытую морем,
о том, как Зиждитель
упрочил солнце
и месяц на небе,
дабы светили

всем земнородным,
и как Он украсил
зеленью земли,
и как наделил Он
жизнью тварей,
что дышут и движутся.

Счастливо жили
дружинники в зале,
100 пока на беду им
туда не явилось
ада исчадие;
Гренделем звался
пришелец мрачный,
живший в болотах,
скрывавшийся в топях,
муж злосчастливый,
жалкий и страшный
выходец края,
в котором осели
все великаны
с начала времен,
с тех пор, как Создатель

род их проклял.
Не рад был Каин
убийству Авеля,
братогубительству,
ибо Господь
первоубийцу
110 навек отринул
от рода людского,
пращура зла,
зачинателя семени
эльфов, драконов,
чудищ подводных
и древних гигантов,
восставших на Бога,
за что и воздалось
им по делам их.

3

Ночью Грендель
вышел разведать,
сильна ли стража
кольчужников датских

возле чертога,
и там, в покоях,
враг обнаружил
дружину, уснувшую
после пиршества, —
не ждали спящие
120 ужасной участи, —
тогда, не мешкая,
грабитель грозный,
тать кровожорный
похитил тридцать
мужей-воителей,
и, с громким хохотом
и корчась мерзостно,
вор в берлогу
сволок добычу,
радуясь запаху
мяса и крови.
Лишь на рассвете
открылись людям
следы побоища
и сила Гренделя, —

был после пиршества
плач великий!
Скорбь огласила
утро стенаньями;
130 муж безупречный
сидел неутешен —
горе страшное,
слишком тяжкое! —
след проклятого
гостя видев,
он оплакивал,
конунг, павших
в неравной схватке.
Но не успели
даны опомниться:
ночь наступила,
и враг ненасытный,
в грехе погрязший,
опять набег
учинил убийственный;
не раз случалось
людям в ту пору

искать ночлега,
стелить постели
140 вдали от высокой
дворцовой кровли,
ибо враг кровожаждущий
в этом доме бесчинствовал,
и, спасаясь от недруга,
уходили воины
прочь от места опасного;
он один одержал
верх над множеством
и остался, злокозненный,
в доме конунга
беззаконным хозяином;
и надолго чертог
обезлюдел.

Так двенадцать зим
вождь достойный,
друг Скильдингов,
скорби смертные
и бесчестье терпел
и печали неисчислимые.

И слагались в то время
по всей земле
песни горестные,
но правдивые
о том, как Грендель
войной на Хродгара
год за годом
злосердый ходит,
и нет предела
проклятой пагубе,
не ищет враг
замирения с данами,
не прекращает
разбоя кровавого,
цену крови
платить и не думает,
мужа знатного
даже золотом
у злодея не выкупить.
Так преследовал
датских ратников
призрак дьявольский,

ждал юных в засадах
и старых воинов
рвал на части,
из топей туманных
являлся ночью, —
кто знает, откуда
приходят скитальцы,
причастные тайн
самой преисподней! —
и множил муки
богоотверженец;
светлый Хеорот
стал пристанищем
полночной нечисти —
только места высокого,
освященного Богом,
не касался поганый,
не смел осквернять
170 трона кольцедарителя.

Такое Скильдингу
на долю выпало
горе долгое.

Сидели знатные,
судили мудрые,
в совете думали,
как бы вернее
людей избавить
от страшной участи;
молились идолам,
душегубителям,
и, воздавая им
жертвы обетные,
просили помощи
и подкрепления —
то суеверие,
обряд языческий,
то поклонение
владыке адскому!
180 Был им неведом
Судья Деяний,
Даритель Славы,
Правитель Неба,
не знали Бога,
не чтили Всевышнего.

Горе тому,
кто нечестьем и злобой
душу ввергает
в геенский огонь, —
не будет ему
послабления в муках!
Но благо тому,
кто по смерти предстанет
пред Богом
и вымолит у Милосердного
мир и убежище
в лоне Отца!

4

Не было роздыха
сыну Хальфдана
190 в его несчастьях,
не мог всемудрый
осилить пагубу,
горе страшное,
слишком тяжкое,
напасть ночную,

людей постигшую
в его державе.
Услышал весть
о победах Гренделя
храбрец гаутский,
дружинник Хигелака —
он был сильнейшим
среди могучих
героев знатных,
статный и гордый;
и приказал он
корабль надежный
готовить в плавание:
там, за морем,
200 сказал, найдем мы,
за лебединой дорогою,
конунга славного,
но бедного слугами!
Людей не пугала
затея дерзкая,
хотя и страшились
за жизнь воителя,

но знаменья были
благоприятные.
Тогда собрал он,
ратеначальник,
в дружину гаутов
наихрабрейших,
товарищей верных,
числом четырнадцать,
и, сам пятнадцатый,
опытный кормчий,
повел их к морю,
к пределам суши.
210 Время летело,
корабль в заливе
вблизи утесов
их ждал на отмели;
они вступили
на борт, воители, —
струи прилива
песок лизали, —
и был нагружен
упругоребрый

мечами, кольчугами;
потом отчалил,
и в путь желанный
понес дружину
морской дорогой
конь пеногрудый
с попутным ветром,
скользя, как птица,
по-над волнами, —
лишь день и ночь
220 драконоголовый
летел по хлябям,
когда наутро
земля открылась —
гористый берег,
белые скалы,
широкий мыс,
озаренный солнцем, —
они достигли
границы моря.
Ладья их на якоре
стояла в бухте;

герои гаутские
сошли на берег,
блестя кольчугами,
звеня мечами,
и возгласили
хвалу Всевышнему,
что ниспослал им
стезю безбурную.
Тогда с утеса
дозорный Скильдингов,
страж побережья,
следил, как ратники
во всеоружии,
в одеждах битвы
над бурунами
проходят по сходням;
дивился витязь
гостям незваным,
и прямо к ним он
коня направил,
служитель Хродгара,
и древком ясеневым,

копьем потрясая,
спросил пришельцев:
«Кто вы,
закованные в броню,
покрывшие головы
железными шлемами,
240 судно грузное
по мелководьям
сюда приведшие
из океана?
Давно храню я
наши границы,
поморье датское
от злонамеренных
морских разбойников,
но не упомню,
чтобы чужая
дружина вышла
на этот берег
так, без опаски,
без дозволения
моих сородичей,

власть предержащих.
И я ни в жизни
не видел витязя
сильней и выше,
250 чем ваш соратник —
не простолюдин
в нарядной сбруе, —
кровь благородная
видна по выправке!
Но я обязан
узнать немедля
ваш род и племя,
дабы вошли вы
в пределы датские
не как лазутчики.
Вы, чужеземцы,
морские странники,
поторопитесь! —
я жду ответа,
я должен сведать,
откуда вы
и почто явились!»

5

Воеводитель
ему ответствовал,
260 раскрыл сокровищницу
слов благородных:
«Мы все от семени
мужей гаутских,
наш конунг – Хигелак,
его дружина – мы.
Воитель мудрый,
всеземнознатный
отец мой, Эггтеов,
состарясь, умер,
покинул землю, —
тому немало
минуло зим, —
но имя славное
доныне знаемо
под этим небом.
Не злые мысли
ведут нас к датскому

народоправителю,
к сыну Хальфдана, —
270 так помоги нам
добрым советом! —
и мы не скроем
от высокородного
помыслов наших,
о коих скоро
и ты узнаешь.
Молва разносит, —
скажи, то правда ли? —
что будто некая
тварь неведомая
тревожит Скильдинга,
датчан ночами
исчадье мрака,
злобесный призрак,
в набегах яростных
губит и грабит.
От всей души я
хотел бы Хродгару
помочь советом,

280 дабы избавить
его от бедствия,
дабы вернулось
благополучие
в его державу,
дабы утихли
волны печалей,
не то вовеки
страх и злосчастие
с ним пребудут,
покуда не рухнут
стропила и кровля,
пока стоят
на холме хоромы».
С коня ответил
отважный всадник,
сказал дозорный:
«И сам ты знаешь,
что должно стражу —
щитоносителю
290 судить разумно
о слове и деле.

Я вижу ясно,
с добром вы к Скильдингу
путь свой правите,
и вам тореную
тропу, кольчужники,
я укажу;
а людям велю я
этот свежесмоленый
корабль охранять
и беречь от недругов:
пускай на песке
дожидает спокойно
древо морское
доброго кормщика;
вновь полетит
змееглавый по хлябям,
неся восвояси
хозяина славного,
300 к землям гаутским,
а с ним и дружинников —
тех, кого в битве
Судьба упасет».

Двинулась рать
(корабль остался,
причаленный к берегу,
широкогрудый,
на тяжком якоре);
ярко на шлемах
на островерхих
вепри-хранители
блистали золотом.
Так за вожатым
спешила дружина
мужей войнолюбых
широкой дорогой, —
и вдруг перед ними
в холмах воссияла
златослепящая
кровля чертога,
жилища Хродгара:
под небом не было
знатней хоромины,
чем та, озарявшая
окрестные земли.

Узрели славу
твердыни престольной
щитоносители;
страж, указав им
путь прямохожий,
коня направил
обратно к морю,
и молвил ратник:
«Теперь идите.
Отец Вседержитель
да будет с вами!
Дай Бог вам силы
в грядущих сражениях!
А я возвращаюсь
320 хранить границу
от недругов наших!»

6

На пестрые плиты,
на путь мощеный
толпа ступила
мужей доспешных

в нарядах ратных,
в кольчугах, звенящих
железными кольцами,
прочными звеньями, —
войско блестящее
шло ко дворцу.
Там, под стеной,
утомленные морем,
они сложили
щиты широкие
в ряд на лавы —
раскатом грянули
их нагрудники;
там же составили
330 копья из ясеня
вместе с мечами —
бремя железное,
вооружение
морестранников.
Тут страж-привратник,
воитель гордый,
спросил пришельцев:

«Откуда явились
щиты золоченые,
кольчуги железные,
грозные шлемы,
длинные копья?
Немало у Хродгара
я, глашатай,
истрепал иноземцев,
но столь достойных
не видел! Надеюсь,
не ради прибежища,
как изгнанники,
340 но ради подвигов
пришли вы к Хродгару!»

Вождь гаутов
ему ответил,
стойкий в битве,
статный под шлемом,
такими словами:
«Из дома Хигелака
веду соратников
я, воин Беовульф,

хочу поведать
владыке вашему,
потомку Хальфдана,
чтоz мы замыслили,
коль скоро конунг
окажет милость
и нас допустит
в свои палаты».

Вульфгар ответствовал,
вождь венделов,
350 муж многомудрый,
меж соплеменников
мужеством славный:
«Владыке Скильдингов
слово просящего,
конунгу данов,
кольцедробителю,
речи твои,
о вождь дружины,
я передам.
Ждите! – скоро
веление конунга —

народоправителя
вы услышите!»

Туда вошел он,
где старый Хродгар
сидел седовласый
среди придворных;
там, на помосте,
перед престолом
360 славного пастыря,
пред ликом Хродгара
встал Вульфгар,
и молвил он, вестник:
«Люди, пришедшие
к нам издалека,
морской дорогой
из края гаутов, —
привел их воин
по имени Беовульф, —
просят они,
повелитель, выслушать
слово, с которым
к тебе спешили;

о господин,
не отказывай пришлым,
слух преклони,
благородный Хродгар, —
оружие доброе
служит порукой
370 их силе и мужеству;
муж могучий,
приведший войско, —
вождь достойный!»

7

Владычный Скильдинг,
Хродгар ответил:
«Видел я витязя
в дни его детства;
умер отец его,
добрый Эггтеов,
в дом которого
дочь единственную
отдал Хредель;
к старому другу

отца явился
и сын могучий, —
о нем я слышал
от мореходов,
ладьи водивших
в страну гаутов
380 с моими дарами;
они рассказывали,
как тридцать ратников
переборол он
одной рукою.
Бог Всеблагой
направил к данам,
послал, Милосердный,
этого мужа —
так я думаю —
против Гренделя,
и я героя,
по дружбе, как должно,
дарами встречу!
Сюда немедля
введи достойных —

пусть предо мною
они предстанут, —
скажи: воистину
гостям желанным
390 даны рады!»

Тогда из чертога
вышел Вульфгар
с такими словами:
«Изволил конунг,
владыка данов,
мой повелитель,
сказать, что знает
род ваш и племя
и рад приветствовать
героев, пришедших
к нам из-за моря.
Теперь в боевом
облачении, в шлемах
ступайте в палаты
да кланяйтесь Хродгару,
а ваше оружие
покуда оставьте

тут, у порога,
щиты и копья».

Встал среди ратников
статный воин,
вождь дружины,
велел, как должно,
верной страже
стеречь оружие,
а сам с остальными
вслед за глашатаем
двинулся в Хеорот.
Витязь явился
могучий в шлеме
перед престолом,
и молвил Беовульф
(кольчуга искрилась —
сеть, искусно
сплетенная в кузнице):
«Привет мой Хродгару!
Я – воин Хигелака,
его племянник;
мне ратное дело

410 с детства знакомо,
Там, в отчем доме,
услышал я вести
о битвах с Гренделем —
морские странники
о том мне поведали,
что дом дружинный,
тобой построенный,
чертог обширный
пустеет вечером,
чуть солнца на небе
померкнет слава.
Тогда старейшины,
мои сородичи
из лучших лучшие,
меня подвигнули
тебе, о Хродгар,
отдать в услужение
рук моих крепость,
ибо воочию
420 сами видели,
как я из битвы

шел, обагренный
кровью пяти
гигантов поверженных;
а также было,
я бился ночью
с морскими тварями,
мстя, как должно,
подводной нечисти
за гибель гаутов;
так и над Гренделем
свершить я надеюсь
месть кровавую
в единоборстве.
Доверь, владыка
блистательных данов,
опора Скильдингов,
щит народа, —
тебя заклинаю
430 я, прибывший
с дальнего берега, —
о друг воителей,
доверь пришельцам,

мне с моею
верной дружиной,
отряду храбрых
охрану Хеорота!
К тому же, зная,
что это чудище,
кичась могучестью,
меча не носит,
я так же – во славу
великого Хигелака,
сородича нашего
и покровителя! —
я без меча,
без щита широкого,
на поединок
явлюсь без оружия:
440 враг на врага,
мы сойдемся, и насмерть
схватимся врукопашную, —
Небо укажет,
Бог рассудит,
кому погибнуть!

И если он
победит, как обычно
в этом зале,
тогда уж гаутов,
моих соратников,
он беспрепятственно
пожрет, злобесный;
тебе же не будет
забот похоронных,
коль скоро сгину, —
меня утащит
окровавленного
в свою берлогу,
в багровокипящий
450 болотный омут,
и в клочья тело
мое растерзает
себе на мясо,
а мне уже пищи
не нужно будет.
И если сгибну,
похищенный битвой,

мои доспехи
пошлите Хигелаку,
меч и кольчугу
работы Вилунда,
наследие Хределя.
Судьба непреложна!»

8

Скильдинг-властитель,
Хродгар вымолвил:
«К нам ты ныне
явился, Беовульф,
как друг и защитник,
верный долгу;
460 ведь было: в споре
убивши Хадолафа,
из рода Вильвингов,
отец твой распрю
посеял кровную;
когда же гауты,
страшась усобиц,
его отринули,

бежал он от мести
к нам, за море,
под руку Скильдингов,
в пределы датские,
где я уже властил
тогда над данами,
правил державой,
обширным краем,
твердыней героев
(достойней владел бы
наследием Хальфдана
брат мой старший,
470 да умер Херогар
прежде времени!),
я же немедля
в оплату крови
золото выслал
Вильвингам за море:
я замирил их —
беглец присягнул мне.
А ныне я должен
скрепивши сердце

поведывать людям,
как лютый Гренделъ
бесчестит Хеорот,
без счета губит
моих домочадцев:
дружина тает,
Судьба безжалостная
уносит воинов
в схватках с Гренделем.
Но Бог поможет
480 воздать злодею
за горести наши!
Не раз похвалялись
в застольях бражных,
над полными чашами
честью хвалились
герои остаться
ночью на страже
и Гренделя в зале
мечами встретить;
тогда наутро
в чертоге для пиршеств

мы находили
запекшейся крови
потоки и пятна,
пол обагренный,
скамьи и стены, —
так я утратил
многих знатнейших,
всех смерть похитила!
490 Но время! – сядем
за пир, и сердце
тебе, воитель,
подскажет словом.
Тогда им дали
на скамьях медовых
места в застолье,
и гости-гауты
сели за трапезу,
ратники сильные,
храбросердые;
брагу медовую
в чеканные чаши
лил виночерпий,

песносказитель
пел о Хеороте;
и беспечально
там пировали
две дружины —
датчан и гаутов.

9

Тут Унферт,
сын Эгглафа,
сидевший в стопах
у владыки Скильдингов,
начал прение
(морепроходец,
пришелец Беовульф,
его раззадорил:
неужто в мире
ему соперник
нашелся, воин
под небом славный,
его сильнейший),
и вот он начал:

«Не тот ли ты Беовульф,
с которым Брека
соревновался
в умении плавать,
когда, кичась
непочатой силой,
510 с морем спорили
вы, бессмыслые,
жизнью рискуя?
Ни друг, ни недруг,
ни муж разумный
не мог отвратить вас
от дикой затеи
соперничать в океане.
Пучин теченья
сеча руками,
взмахами меряя
море-дорогу,
вы плыли по волнам,
по водам, взбитым
зимними ветрами,
семеро суток.

Тебя пересилил
пловец искусный,
тебя посрамил он:
на утро восьмое,
520 брошенный бурей
к норвежскому берегу,
он возвратился
в свои владенья,
в земли Бродингов,
в дом наследный,
где правит поныне,
на радость подданным,
казной и землями.
Клятву сдержал
сын Бенстана —
был первым!
Вот почему я
предчую худшее
(хотя и вправду
ты крепок в битве,
в честной сече),
коль скоро, с вечера

тут оставшись,
ты встретишь Гренделя!»
530 Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Не чересчур ли
ты, друг мой Унферт,
брагой упившись,
о подвигах Бреки
тут разболтался?
На самом же деле
никто из смертных
со мной не сравнился бы
мощью на море,
выдержкой на океане.
Когда-то, поспорив,
мы вправду задумали,
жизнью рискуя
(а были оба
еще недоростками!),
взапуски плавать
в открытых водах.
Сказано – сделано:

540 кинулись в зыби,
клинки обнажив
ради защиты
от хищных тварей,
там обитавших.
Сил недостало
ему тягаться
со мной на быстринах,
но я не покинул
его над бездной:
вместе держались
в опасных водах,
рядом плыли
пятеро суток,
покуда буря
и сумрак ночи,
северный ветер,
снег и волны
кипящих течений
не разлучили
550 нас в ненастье.
Со дна морского

нечисть восстала —
в пене ярились
полчища чудищ.
Рубаха-кольчуга
искусной вязки,
железной пряжи
мне послужила,
шитая золотом,
верной защитой,
когда морежитель,
стиснув когтистыми
лапами тело,
вдруг потащил меня
в глубь океана;
Судьбой хранимый,
я изловчился, —
клинком ужалил
зверя морского —
560 канул на дно
обитатель хлябей.

10

Кишела нежить,
грозя мне погибелью
в бурлящей бездне,
но я поганых
мечом любимым
учил, как должно!
Не посчастливилось
злобной несыти
мной поживиться,
плотью лакомой,
пищей пиршественной
в глубоководье,
зато наутро
в прибрежных водах
всплыли распухшие
туши животных,
клинком усыпленных, —
и с этой поры
570 стал безопасен
путь мореходный

над теми безднами.
Божий светоч
взошел с востока,
утихла буря,
и я увидел
источенный ветром
скалистый берег —
Судьба от смерти
того спасает,
кто сам бесстрашен!
Всего же девять
избил я чудищ
и, право, не знаю,
под небом ночным
случались ли встречи
опасней этой,
был ли кто в море
ближе к смерти,
580 а все же я выжил
в неравной схватке —
меня, усталого,
но невредимого,

приливом вынесло,
морским течением
к финским скалам.

Но я не слышал
подобных былей
о подвигах ратных,
тобой совершенных:
ни ты, ни Брека —
в игре сражений
не смели вы оба
железом кровавым
творить, как должно,
дела достойные,
зато известно,
что ты убийца
своих сородичей,
590 братьев кровных, —
проклятье ада,
как ни лукавь ты,
тебя не минет!
Скажу воистину
тебе, сын Эгглафа:

не смог бы Грендель
бесчинствовать в Хеороте,
не смел бы нечистый
бесчестить владыку,
когда бы сердце
твое вмещало
столько же храбрости,
сколько бахвальства!
Но знает он,
что его не встретят,
противоборствуя,
мечами острыми,
и без опаски
враг набегает
600 на земли Скильдингов,
твоих сородичей,
и с данов дань
собирает кровью,
и ест и пьет он
и не трепещет
при встрече с данами.
Дайте время,

на деле узнает он
доблесть гаутскую!
Завтра поутру,
когда над миром
зажжется светоч,
солнце на небе
явится ясное, —
всяк без боязни
сможет на пиршестве
пить брагу в Хеороте!»

Пришлась по нраву
кольцедарителю,
610 седовласому
старцу-воину,
решимость Беовульфа:
он уверовал,
пастырь данов,
в близость спасения.
Громче смех
зазвучал и речи
среди воителей;
вышла Вальхтеов,

блистая золотом,
супруга Хродгара,
гостей приветствовать
по древнему чину:
высокородная
вождю наследному
вручила первому
чашу пенную,
да не грустил бы
в пиру властитель,
620 владыка данов, —
до дна он выпил,
радуясь трапезе,
добрый конунг;
затем гостей
обходила Вальхтеов
с полной чашей,
потчуя воинов,
старых и юных,
пока не предстала
жена венценосная,
кольцевладелица

с кубком меда
перед гаутским
войсководителем;
многоразумная
Бога восславила,
ей по молитвам
в помощь пославшего
рать бесстрашную.
Чашу воитель
принял от Вальхтеов
и ей ответствовал
жаждущий битвы,
молвил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Дал я клятву,
когда с дружиной
всходил на ладью,
чтобы плыть за море:
или избуду я
ваши беды,
или сгину
в тугих объятьях

рук вражьих, —
зарок мой крепок! —
добуду победу,
или окончатся
дни моей жизни
в этом чертоге!»
640 Пришлась по сердцу
хозяйке дома
клятва гаута.

Воссела властная
золотоносица
возле супруга,
и пир разгорелся,
как в дни былые;
застольные клики,
смех и песни
в хоромах грянули,
но сам сын Хальфдана
прервал веселье,
спеша укрыться
в ночных покоях:
он знал, что недруг,

дождавшись часа,
когда помрачится
закатное солнце
и с неба сумерки
650 призрачным облаком
сползут на землю, —
враг явится яростный,
жизнекрушитель,
в зал для пиршеств.
Повстала дружина;
воин воину,
Хродгар Беовульфу
сказал в напутствие,
благословляя
ночную стражу,
такое слово:
«Кроме тебя,
никому до сегодня
я не вверял
сокровищниц датских
с тех пор, как впервые
поднял свой щит.

Прими под охрану
мое жилище!
660 Помни о славе!
Исполни клятву!
Врага стереги! —
и добудешь награду,
коль скоро в сражении
жизнь не утратишь!»

11

Хродгар вышел,
за ним дружина,
опора Скильдингов,
прочь из зала;
возлег державный
на ложе Вальхтеов
в покоях жениных;
уже прослышали
все домочадцы,
что сам Создатель
охрану выставил
в хоромах конунга,

дозор надежный
противу Гренделя.
670 Гаутский воин,
душа отважная,
снял шлем железный,
себя вверяя
Господней милости
и силе рук своих,
кольчугу скинул
и чудно скованный
свой меч отменный
на время боя
отдал подручному
на сохранение.
Всходя на ложе,
воскликнул Беовульф,
гаут могучий,
врагу в угрозу:
«Кичится Грендель
злочудищной силой,
но я не слабей
в рукопашной схватке!

680 Мне меч не нужен! —
и так сокрушу я
жизнь вражью.
Не посчастливится
мой щит расщепить ему, —
хотя и вправду
злодей не немощен! —
я пересилю
в единоборстве,
когда мы сойдемся,
отбросив железо,
коль скоро он явится
нынче ночью!
Над нами Божий,
Господень свершится
суд справедливый —
да сбудется воля
Владыки Судеб!»

Склонил он голову,
высокородный,
690 на пестроцветное изголовье,
вокруг мореходы

легли по лавам
в палате для пиршеств;
из них ни единый
не чаял вернуться
под кров отеческий,
к своим сородичам
в земли дальние,
их вскормившие,
ибо знали,
как много датских
славных витязей
в этом зале
было убито.
Но Бог-заступник,
ткач удачи,
над ратью гаутской
вождем поставил
героя, чья сила
700 верх одержала
над вражьей мощью
в единоборстве, —
воистину сказано:

Бог от века
правит участью
рода людского!

Исчадие ночи
вышло на промысел;
воины спали,
уснула охрана
под кровлей высокой,
из них лишь единый
не спал (известно,
без попущенья
Судьбы-владычицы
хищная тварь
никого не утащит
в кромешное логово),
на горе недругу
710 он ждал без страха
начала схватки.

12

Из топей сутемных
по утесам туманным

Господом проклятый
шел Грендель
искать поживы,
крушить и тратить
жизни людские
в обширных чертогах;
туда поспешал он,
шагая под тучами,
пока не увидел
дворца златоверхого
стен самоцветных, —
не раз наведывался
незваный к Хродгару,
сроду не знавший
себе соперника,
не ждал и нынче,
720 найти противника,
дозор дружинный
в ночных покоях.
(Шел ратобитец
злосчастный к смерти.)
Едва он коснулся

рукой когтелапой
затворов кованых —
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома,
на пестроцветный
настил дворцовый
ступил, неистовый,
во тьме полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали
его глазницы.
И там, в палатах,
завидев стольких
730 героев-сородичей,
храбрых воителей,
спящих по лавам,
возликовал он;
думал, до утра
душу каждого,
жизнь из плоти,
успеет вырвать,

коль скоро ему
уготовано в зале
пышное пиршество.
(После той ночи
Судьба не попустит —
не будет он больше
мертвить земнородных!)
Зорко высматривал
дружинник Хигелака
повадки вражьи,
стерег недреманный
жизнекрушителя:
740 чудище попусту
не тратило времени! —
тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая
теплое мясо;

мертвое тело
с руками, с ногами
враз было съедено.
Враг приближался;
над возлежащим
он руку простер,
вспороть намерясь
когтистой лапой
грудь храбросердого,
но тот, проворный,
750 привстав на локте,
кисть ему стиснул,
и понял грозный
пастырь напастей,
что на земле
под небесным сводом
еще не встречал он
руки человечьей
сильней и тверже;
душа содрогнулась,
и сердце упало,
но было поздно

бежать в берлогу,
в логово дьявола;
ни разу в жизни
с ним не бывало
того, что случилось
в этом чертоге.
Помнил доблестный
воин Хигелака
760 вечернюю клятву:
восстал, угнетая
руку вражью, —
хрустнули пальцы;
недруг отпрянул —
герой ни с места;
уйти в болота,
зарыться в тину
хотело чудище,
затем что чуяло,
как слабнет лапа
в железной хватке
рук богатырских, —
так обернулся

бедой убийце
набег на Хеорот!
Гром в хоромах,
радости бражные
вмиг датчанами,
слугами, воинами,
770 были забыты;
в гневе сшибались
борцы распаленные:
грохот в доме;
на редкость крепок,
на диво прочен
был зал для трапез,
не развалившийся
во время боя, —
скобами железными
намертво схвачен
внутри и снаружи
искусно построенный;
в кучу валились
резные лавы,
скамьи бражные

(об этом люди
мне рассказали),
допрежде не знали
мудрые Скильдинги,
780 что крутоверхий,
рогами увенчанный
дом дружинный
не властна разрушить
рука человеческая —
это под силу
лишь дымному пламени.
Громом грянули
крики и топот;
жуть одолела
северных данов,
когда услыхали
там, за стенами,
стон и стенания
богоотверженца —
песнь предсмертную,
вой побежденного,
вопль скорбящего

выходца адского.
Верх одерживал,
790 гнул противника
витязь незыблемый,
сильнейший из живших
в те дни под небом.

13

Причины не было
мужу-защитнику
щадить сыроядца,
пришельца миловать, —
не мог он оставить
в живых поганого
людям на пагубу.
Спутники Беовульфа
мечами вращали,
тщась потягаться,
сразиться насмерть
за жизнь дружинного
вождя, воителя
всеземнознатного:

в толпу стеснившись,
они обступили
800 врага, пытались,
мечами тыча,
достать зломогучего,
о том не ведая,
что ни единым
под небом лезвием,
искуснокованым
клинком каленым
сразить не можно
его, заклятого, —
он от железных
мечей, от копий
заговорен был, —
но этой ночью
смерть свою встретил
он, злосчастливый,
и скоро мерзкая
душа, изыдя
из тела, ввергнется
в объятия адские.

Враг нечестивый,
противный Богу,
предавший смерти
несметное множество
землерожденных,
теперь и сам он
изведал смертную
немощь плоти,
изнемогавший
в руках благостойкого
дружинника Хигелакова;
непримиримы
они под небом.
Неисцелимая
в плече нечистого
кровоточащая
зияла язва —
сустав разъялся,
лопнули жилы;
стяжал в сражении
победу Беовульф,
а Грендель бегством

в нору болотную
упасся, гибнущий,
в берлогу смрадную
бежал, предчуя
смерть близкую;
земная жизнь его
уже кончилась.

И тотчас даны,
едва он скрылся,
возликовали:
герой-пришелец
изгнал злосчастье
из дома Хродгара,
он, доброхрабрый,
избыл их беды;
битва умножила
славу гаута,
слово чести,
830 что дал он данам,
герой не нарушил:
спас их от гибели,
исправил участь

людей, не знавших
удачи в стычках,
избавил скорбных
от долгострадания, —
тому свидетельство
люди увидели,
когда победитель
под кровлей дворцовой
поднял высоко
плечо с предплечьем —
острокогтистую
лапу Гренделя.

14

Наутро толпами
(так люди мне сказывали)
стали сходиться
дружины к хоромине:
840 дальних и ближних
земель старейшины
шли по дорогам
взглянуть на чудо —

следы чудовища;
из них ни единого
не опечалила
кончина недруга.
Следы поведали,
как, насмерть раненный,
разбитый в битве,
убрел враг, шатаясь,
и, Богом проклятый,
свой путь направил
к бучилу адскому —
в пучине сгинул;
варом кровавым
вскипели воды,
вспучился омут,
покрылся пеной,
850 мутные волны,
вздымаясь, дымились
багровым паром,
кровью злорадца,
лишенного радостей
и обреченного, —

геенна приняла
темного духа.
От топей к дворцу
повернули старейшины,
к праздничной трапезе;
за ними ратников,
всадников сила
на серых конях
шла от болота,
они возглашали:
да славится Беовульф
под этим небом! —
нет другого
от моря до моря
860 на юг и на север
земли срединной,
кто бы сравнился
с ним в добродоблести,
кто был бы достойней
воестаршинствовать!
(Они и Хродгара,
вождя любимого,

хвалить не забыли —
он добрый был конунг!)
Там и наездники,
быстрые в битвах,
вскачь пускали
коней буланых,
и приближенный,
любимец конунга,
славословий знаток
многопамятливый,
сохранитель преданий
старопрежних лет,
870 он, по-своему
сопрягая слова,
начал речь —
восхваленье Беовульфа;
сочетая созвучья
в искусный лад,
он вплетал в песнопение
повесть новую,
неизвестную людям
поведывал быль —

все, что слышал
о подвигах Сигмунда,
о скитаниях, распрях,
победах Вёльсинга.
К месту он помянул
вероломство и месть,
к месту – верность
племянника, Фителы,
в ратном деле
неразлучимого
880 с дядей: рядом
во всякой сече
были оба,
рубились конь о конь —
их мечами
несчетное множество
на чуже нежити
было посечено.
Слава Сигмунда
немало выросла
после смерти его:
разнесла молва,

как с драконом —
кладохранителем
он сходился,
бесстрашный в сражении,
под утесами темными
(там без Фителы
сын достойного
ратоборствовал),
890 и ему посчастливилось:
остролезвый клинок,
благородный меч
поразил змеечудище,
пригвоздил к скале,
и дракон издох;
тут по праву сокровищем
завладел герой,
воздаяньем за труд
было золото:
он на грудь ладьи
драгоценный груз
возложил и увез,
Вёльса доблестный сын;

а драконова плоть
сгибла в пламени.

И пошла по земле
молва о нем,
широко средь народов
стал известен он,
900 покровитель воинства,
добродеятель.
А допрежде того Херемод
растерял храброту,
мощь души и рук,
и подпал под власть
адской силы,
и был погублен
злолукавым врагом, —
сокрушили его
бури бедствий —
стал он бременем
для дружины своей
и для подданных;
и скорбели тогда
о судьбе его

многомудрые мужи,
прежде чаявшие,
что сумеет он
упасти их от бед;
910 часто сетовали,
что наследовал он,
сын отца своего,
власть державную
над казной и дружиной,
над людьми и селеньями,
в землях Скильдингов.
И сказал певец:
полюбился нам
больше Беовульф,
родич Хигелака,
чем неправедный Херемод!

По кремнистым дорогам
гнали всадники
коней взапуски.
Солнце утренницы
воссияло с небес.
Диву давшиеся

поспешали старейшины
храбромыслые
920 в крутоверхий зал.
Досточестный сам
вышел конунг,
увенчанный славой,
из покоев жены,
и дружина с ним,
и супруга его,
с ней прислужницы
шли толпой во дворец
к ранней трапезе.

15

Хродгар молвил,
став на пороге,
когда увидел,
под златослепящей
кровлей хоромины
лапу Гренделя:
«За это зрелище
хвалу Всевышнему

воздать я должен!
Во мрак страданий
930 был ввергнут я Гренделем,
но Бог от века
на чудо – чудо
творит, Преславный!
Еще недавно
я и не думал
найти спасителя
среди героев,
сюда сходившихся,
в мой дом, что доверху,
до самой кровли
был залит кровью;
из тех прославленных
мужей премудрых
никто не чаял
мой дом избавить,
жилье людское,
от злого призрака,
от адской пагубы.
Но вот он, витязь,

940 по воле Создателя
то совершивший,
чего не умели,
вместе собравшись,
мы, хитромыслые!
Мать, подарившая
людям воина,
может гордиться
(родитель добрая
жива, надеюсь!) —
Судьба-владычица
ей подарила
сына достойного!
Тебя же, Беовульф,
из лучших избранный,
в душе полюбил я,
как чадо кровное, —
и стал ты отныне мне
названым сыном.
Ни в чем отказа
950 в моих владениях
тебе не будет!

Не раз я, бывало,
за меньшие службы
не столь достойных
казной одаривал,
не столь отважных,
как ты, подвигшийся
на небывалый труд.
Ты сам стяжал себе
всевечную славу!
И да воздаст Создатель
тебе, как ныне,
во все дни жизни!»

Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Работе ратной
мы были рады
и шли без робости,
презрев опасность,
960 на встречу с недругом;
но было бы лучше,
когда бы ты мог
врага убитого

во всей красе его
здесь видеть:
я, право, думал,
что тут же брошу
его, изнемогшего,
на смертное ложе,
что, крепко стиснутый
в моих объятьях,
он дух испустит;
ему, однако,
достало силы
отсюда вырваться;
Судьба не дала мне
сдержать бегущего
жизнекрушителя —
он стал воистину
970 резв от страха!
И скрылось чудище,
оставив лапу
ради спасенья —
плечо с предплечьем;
ныне, однако,

ничто проклятого
спасти не может,
не заживется
в поганом теле
душа нечистая:
теперь злочинный,
отягченный грехами,
бьется в оковах
предсмертной муки;
он, тьмой порожденный,
скоро узнает,
какую кару
ему уготовила
Судьба-владычица!»

980 Унферт притихший
молчал, сын Эгглафа,
не похвалялся
своими подвигами,
пока старейшины
дивились жуткой
руке чудовища,
что под стропилами

герой подвесил —
на каждом пальце
огромной лапы
воителя адского
железный был коготь,
острое жало
мечеподобное;
теперь мы видим, —
они говорили, —
что даже лучший
клинок на свете
не смог бы сравниться
990 с когтистой лапой
человекоубийцы.

16

И было повелено
ухитить Хеорот;
спешила челядь,
мужчины и женщины,
прибрать хоромы,
украсить к трапезе

гостеприимный зал,
где златовышитые
на стенах ткани
и дивные вещи
ласкали зренье
землерожденным.
Но все же стены,
скобами железными
прочно скрепленные,
были побиты
и двери сорваны —
одна лишь кровля
1000 цела осталась,
когда, собравшись
с последними силами,
враг злосердый
на волю рвался.
Не властен смертный
спастись от смерти:
ему, гонимому
Судьбой, открыта
одна дорога —

в приют, готовый
принять земное
души вместилище
на ложе смерти,
где сон последний —
отдохновение
от буйного пиршества.

Настало время
явиться конунгу,
потомку Хальфдана,
1010 в хоромы править
праздничной трапезой;
и я не слышал,
чтоб в зал сходилось
когда-либо столько
мужей достойных, —
там достославные
расселись по лавам,
пир начиная.
Сновали чаши
медовой браги
среди героев,

собравшихся в Хеорот,
среди соратников
и родичей конунга
в зале, где Хродгар
сидел и Хродульф, —
еще не изведали
распрей Скильдинги
междоусобиц и вероломства.
1020 Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульфу
знак победный —
ратное знамя,
стяг златовышитый —
и шлем с кольчугой;
многие видели
и меч знаменитый,
ему подаренный.
Беовульф поднял
заздравную чашу:
дары такие
принять не стыдно
в глазах дружины;

и я немногих
встречал героев
в иных застольях,
кто был бы достоин
тех четырех
златозарных сокровищ!
103 °Сетью железной
по верху обвитый,
шишак тот служит
надежным кровом,
спасая голову
от остролезвого
меча, разящего
в жестокой сече,
когда воитель
идет на недругов.
Еще, по воле
военачальника,
восемь коней
в роскошных сбруях
ввели в палату:
была на первом

ратная упряжь,
седло, в котором
сидел, бывало,
сам сын Хальфдана,
1040 дружиноводитель,
когда, вступая
в игру мечевую,
не знал он страха
над грудами трупов
под градом ударов.
Защитник Ингвинов,
желая ратнику
удачи воинской,
отдал во вечное
владенье Беовульфу
одежды боя
и коней резвых,
воздал ему конунг
добромогучий
за труд, воителю,
казной богатой
да скакунами —

никто не скажет,
что плата нещедрая.

17

1050 И так же каждого
в той дружине,
которую Беовульф
привел из-за моря,
глава старейшин
в пиру приветил
дарами бесценными;
и цену крови,
пролитой Гренделем,
покрыл вождь золотом.
Не будь Судьба их
вершима Богом,
не будь героя
доблестносердого,
убийца с радостью
избил бы многих!
Но род человеческий
ходит под Господом,

поэтому лучшее в людях —
мудрость,
1060 души прозорливость,
ибо немало
и зла и радостей
здесь уготовано
любому смертному
в дни его жизни.

Сливались музыка
и голос в песне
перед наследным
престолом Хальфдана:
тронул струны
сказитель Хродгаров,
дабы потешить
гостей в застолье
правдивым словом
песнопредания,
былью о битве
с сынами Финна,
как воину Хальфдана
Хнафу Скильдингу

1070 смерть суждена была
на поле фризском:
«Воистину, Хильдебург
тогда не радовалась
ни доблести фризов,
ни мощи данов,
когда любимые
и сын и брат ее,
оба пали
в противоборстве,
проколоты копьями, —
жена несчастливая
свою оплакала
долю, дочь Хока,
когда наутро
она увидела
вождей дружинных,
мертвых, лежащих
под небом, где прежде
лишь радости жизни
1080 она знавала.
Война истратила

войско Финна —
осталась горстка
в его хоромах, —
и он не смог бы,
подняв оружие
противу Хенгеста,
спасти последних
своих воителей;
тогда, смирившись,
решил он данам
отдать половину
зала для трапез
и дома дружинного,
дабы жилищем
равно владели
даны и фризы;
еще обещался
наследник Фольквальда
1090 дарами, как должно,
приветить данов:
дарить чтодневно
героям Хенгеста

пластины золота,
каменья и кольца,
а вместе и честь
воздавать им в застолье,
равно как и фризской
своей дружине.
На том порешили,
и мир нерушимый
скрепили клятвой:
поклялся Хенгесту
Финн, что будут
его старейшины
править ратями
так, чтобы ратники
словом ли, делом,
по злому ли умыслу
1100 согласья не рушили,
чтобы дружинники,
те, чья участь
по смерти конунга
жить под убийцей
кольцедарителя,

ни слова злобы
не смели вымолвить;
если ж из фризов,
помянув старое,
распрю новую
кто посеет —
меч без жалости
его жизнь решит!
Так зарок был дан.
И тогда на костер
золотые сокровища
вместе с воином,
с героем Скильдингом
были возложены:
1110 люди видели
окровавленные
битв одежды
железотканые
с кабаном позолоченным
на груди вождя
среди многих воителей,
в сече сгибнувших.

По желанию Хильдебург
там, на ложе огня,
рядом с Хнафом лежал
сын ее благородный,
дабы плоть его
вместе с дядиной
жар костровый истлил;
погребальный плач
затянула она,
вой скорбящей жены,
и взметнулся дым,
в поднебесье огонь,
1120 пламя под облака:
кости плавились,
кожа углилась,
раны лопались
и сочилась кровь.
Так пожрал дух костра,
пламя алчное,
лучших воинов
двух враждебных племен —
и не стало их.

18

И спешила дружина,
рать скорбящая,
разойтись по домам
в ютских землях,
в пределах фризских;
сам же Хенгест,
доверясь клятве,
время зимнее
вредотворное
вместе с Финном провел,
1130 об отчизне печалуясь;
и закрылись пути
кольцегрудых ладей —
воды вспучились,
ветром взбитые,
а затем во льды
заковал их мороз.
Но пришла пора,
повернулся год —
чередой возвращаются

времена с небес
(так и ныне!)
на земли смертных, —
стаял зимний покров,
зеленели поля,
и сбирался в путь
гость с чужбины;
но чаще на мысли
приходила ему
не морская тропа,
1140 но кровавое мщение —
в новой схватке
он фризам попомнил бы
встречи прежние!
Потому не отверг он
Хунлафинга
меч, возложенный
на колени его,
пламя битвы,
клинок прославленный
(ютам памятно
это лезвие!),

от которого
Финн лютосердый
принял смерть в бою
во дворце своем.
Так случилось,
что Гудлаф с Ослафом,
с горькой вестью
к данам ходившие,
1150 возвратились из-за моря,
и сердца их исполнились
духом ярости —
кровь заструилась
в доме Финна,
и рать была выбита,
и жена его
стала пленницей.
Было Скильдингам
чем грузить ладьи —
драгоценностями,
самоцветами, —
всем, что в доме,
в хоромах Финна,

отыскать смогли;
и жену благородную
возвратили они
из заморья в отечество,
в землю датскую!»

Так закончил
1160 сказитель песню;
пир продолжился
за медовым столом,
и вино – дивных бочек сокровище —
разносил виночерпий.
Златовенчанная
вышла Вальхтеов
в зал, где конунг
сидел с племянником
(не порвались еще
узы кровные),
а в стопах у владетельных
Скильдингов
сел вития
Унферт, признанный
меж людьми

многодоблестным,
хоть и был он убийцей
кровных братьев своих.
И промолвила Вальхтеов:
«Господин мой,
1170 испей эту чашу,
о даритель сокровищ,
да возрадуешься
ты, друг воинов!
Слово доброе
молви гаутам,
будь с гостями
не скуп, но равно
дари и ближних,
приветь и дальних!
Назвал ты сыном,
так я слыхала,
героя-гаута,
который ныне
очистил Хеорот
кольцесверкающий, —
так будь же щедрым,

покуда можешь! —
когда же срок твой
придет, оставишь
1180 своим сородичам
казну и земли!
А добрый мой Хродульф
поддержит славу
юной дружины,
коль скоро прежде,
чем он, о Скильдинг,
ты жизнь покинешь;
сторицей, надеюсь,
воздаст он нашим
детям за прежнее:
был сиротой он,
его мы вскормили
и мы возвысили
нам на радость,
ему во славу!»

Затем повернулась
к скамье, где братья,
Хредрик и Хродмунд,

сыны ее кровные,
1190 сидели средь юных,
а между ними —
герой гаутский,
воитель Беовульф.

19

Ласковым словом,
чашей медовой
был он привечен,
а также пожалован
двумя запястьями
златовитыми
да украшением —
кольцом ошейным,
какого в жизни
я и не видывал,
и кто из героев
владел, не знаю,
подобным сокровищем,
кроме Хамы,
который, в дом свой

внеся ларец
1200 с ожерельем Бросинга,
бежал от гнева
Эорменрика
под руку Предвечного.
Гаутский Хигелак,
внук Свертинга,
тем даром Вальхтеов,
кольцом был украшен
в последней битве,
где защищал он
свою добычу,
стоя под стягом, —
войнолюбивца
Судьба настигла
в пределах фризских:
надев на шею
то украшение,
пришел за море
дружиноначальник,
но пал под щитами,
1210 и с телом вместе

убор нагрудный
достался франкам,
и это сокровище
также стало
поживой слабейших
врагов на поле,
где многих гаутов
смерть похитила.
Под клики застольные
молвила Вальхтеов,
стоя меж воинов;
«Владей, о Беовульф,
себе на радость,
воитель сильный,
дарами нашими —
кольцом и запястьями,
и пусть сопутствует
тебе удача!
Гордись же, воин,
1220 славой и мощью
и будь наставником
этих юных.

Не я прославляю —
ты сам прославил
себя среди смертных
вовек и повсюду,
вплоть до границы
суши и моря!
Будь же, воитель,
благоуспешен!
Живи безбедно!
И я надеюсь,
ты станешь другом
сынам моим кровным,
о многорадостный!
Конунгу предан
каждый наш ратник,
верен другу
и кроток духом;
1230 старейшины дружны;
слуги покорны;
хмельные воины
мне повинуются!»

Воссела гордая!

Великолепен был
пир-винопитие;
и не предвидели,
не знали витязи
Судьбы злосмертной,
им уготованной,
когда под вечер
Хродгар на отдых
в покои конунга
ушел, оставив,
как должно, в зале,
в чертоге, стражу,
дозор дружинный.
Служили им ложами
и подголовьями
1240 скамьи дощатые
(Роком отмечен
был между ними
один брагопийца);
щиты широкие,
блестя, стояли
у них в изголовьях;

на лавах виднелись
высокие шлемы;
и меч отменный
у каждого воина
был под рукою,
и сбруя кольчатая.
Таков обычай
у них, всечасно
готовых к сече:
и в дальнем походе,
и в доме отчем —
везде, где опасность
грозит владыке, —
1250 стоит на страже
дружина добрая!

20

Они уснули.
Из них единый
за сон расплатился,
как то и прежде
случалось в доме,

где долго злочинствовал
Грендель, покуда
казнь по заслугам
его не настигла,
но скоро люди
о том узнали,
что недруг по смерти
оставил мстителя
за кровь, пролитую
в том сражении.
Выла над сыном
родитель Гренделя —
женочудовище,
1260 жившее в море,
в холодных водах,
в мрачной пучине,
с тех пор как Каин
мечом зарезал
отцово чадо,
кровного брата,
а сам, заклейменный,
утратив радости

рода людского,
бежал в пустыню
и там породил
многих проклятых
существ, подобных
Гренделю-волку,
ходившему в Хеорот,
где с ним и встретился
ратник сильный,
жаждавший мощью
с мерзким померяться,
1270 благо от Бога
дан человеку
дар многославный —
сила и храбрость;
там, уповая
на волю Господа,
воин сразился
и твари адской
воздал, как должно, —
с позором сгинул
лишенный счастья

враг земнородных
в болотное логово.
Но мать страшилища,
тварь зломрачная,
решила кровью
взыскать с виновных,
отмстить за сына:
явилась в Хеорот,
где войско датское
1280 дремало в зале,
и новые скорби
и страхи прежние
сулила людям
родитель Гренделя.
(И все же не слишком
страшна врагиня —
не так ведь могуча
жена в сражении,
как муж, подъявший
молотокованый,
кровью запятнанный
меч остролезвый,

дабы с размаху
разбить на вражьем
шеломе вепря.)
Щитов достаточно
нашлось в чертоге,
клинки засверкали
в руках у воинов
1290 (лишь тот, застигнутый
врасплох, спросонок
не вспомнил о шлеме,
о мече и кольчуге);
тогда от дружины
она бежала,
уйти поспешила,
жизнь упасая,
но все же успела
похитить сонного —
схватила ратника
и скрылась в топях.
Она сгубила
любимца Хродгара,
слугу вернейшего

из всех старейшин
земель междуморских,
достойного мужа,
храброго в битвах.
(Тем временем Беовульф
1300 спал после праздника
златодарения
в дальних палатах,
гаут всеславный.)
Крики в хоромах;
она похитила
руку Гренделя,
и вновь злосчастье
вернулось в Хеорот;
выпал жребий
гаутам с данами
дань выплачивать
кровью родичей.
Многострадального
старца-правителя
скорбь сокрушила,
когда он услышал,

что умер лучший
из благороднейших
его соратников.
1310 Тогда поспешно
к нему был призван
победный Беовульф,
и рано поутру
военачальник
со всем отрядом
своих сородичей
к вождю явился,
дабы услышать,
какими благами
воздал Создатель
за прежние муки.
Шагал по плитам
прославленный в битвах
и с ним дружина
(дрожали стены)
навстречу мудрому
старцу-конунгу;
владыку Ингвинов

спросил он, приветствуя,
1320 счастливо ль минула
ночь прошедшая.

21

Хродгар промолвил,
защита Скильдингов:
«Речь не о счастье! —
Вновь посетили
датчан печали:
мертв Эскхере,
первый из братьев
в роду Ирменлафов,
мудрый старейшина,
столп совета,
с кем мы конь о конь
скакали в сечах,
прикрыв друг друга,
рубили вепрей
на вражьих шлемах, —
да будет примером
каждому ратнику

слава Эскхере.
1330 Тварью грозной,
забредшей в Хеорот,
был убит он,
и я не знаю,
с поживой, жадная,
куда бежала,
в какое место.
На месть возмездием
она ответила,
на бой полночный,
в котором с Гренделем
ты сквитался,
воздав за гибель
и долгострадание
народа нашего, —
недруг страшный
лишился жизни;
теперь явилась
ему на смену
эта зломыслая
1340 кровью выместить

смерть сыновнюю, —
так полагает
любой из героев,
скорбящих в сердце
о верном соратнике.
Смотри! Вот Эскхере
рука, что щедро
деяния добрые
для всех творила!
Я слышал – старейшины
мне поведовали,
также и люди,
окрест живущие,
что им случалось
видеть воочию
двух на пустоши
воров крадущихся,
существ кромешных,
и будто бы первой —
1350 там им казалось —
тварь выступала
в обличии женском,

и следом – поганый
шел отверженец
тропой изгнанников,
муж, что огромней
любого смертного, —
народ издревле
нарек его Гренделем, —
но кем зачат он,
и чьи они чада,
и кто был их предком
из темных духов,
и где их жилище —
люди не знают;
по волчьим скалам,
по обветренным кручам,
в тумане болотном
их путь неведом,
1360 и там, где стремнина
гремит в утесах,
поток подземный,
и там, где, излившись,
он топь образует

на низких землях;
сплетает корни
заиндевелая
темная чаща
над теми трясинами,
где по ночам
объявляется чудо —
огни болотные;
и даже мудрому
тот путь заказан;
порой бывает,
что житель пустошей,
гонимый сворой,
олень гордорогий,
спасая голову,
1370 стремится к лесу,
но, став на опушке,
он жизнь скорее
отдаст охотнику,
нежели ступит
в темные чащи, —
страшное место! —

когда же буря
тлетворным ветром
дышит над водами,
вздымаются волны,
мрачнеет воздух,
небо плачет.
И вновь на тебя лишь
мы уповаем!
Подвигнись на поиск,
если отважен,
найди злотворящую
в землях неведомых,
в краю незнаемом!
1380 Я же за службу
воздам, как прежде,
древним золотом
кольцесокровищниц,
коль скоро с победой
в живых вернешься!»

22

Беовульф молвил,

потомок Эггтеова:
«Мудрый! не стоит
печалиться! – должно
мстить за друзей,
а не плакать бесплодно!
Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!
1390 Встань же, державный!
Не время медлить!
Пойдем по следу,
и матерь Гренделя
не сможет скрыться —
вот мое слово! —
ни на пустоши,
ни в чащобе,
ни в пучине, —

нет ей спасения!
Ты же нынче
скорбящее сердце
скрепи надеждой,
ибо я знаю твое желанье!»

Старец воспрянул;
благословил он
Бога за речи
храброго мужа.
Был скоро для Хродгара
конь оседлан,
1400 скакун волногривый.
Правитель мудрый
ехал, державный,
и с ним дружина,
его щитоносцы.
Ног отпечатки,
тропа тореная
вела по равнине,
путь указуя
в лесную чащу,
к сумрачным топям

(лучшего витязя
мертвое тело
там волокла она,
друга Хродгара
и его соправителя).
Дальше направились
высокородные
к скалам гранитным,
к теснинам темным,
1410 где меж утесов
стези кремнистые
шли над ущельем,
кишащим нечистью;
вождь – впереди,
а старейшины ехали
сзади, дабы
не сбиться со следа, —
вдруг перед ними
явились кручи,
склоны, поросшие
мрачным лесом,
камни замшелые,

а ниже – волны,
кипящие кровью.
Горько оплакивали
скорбные даны
долю Скильдингов,
горький жребий,
судьбу героя,
1420 когда сыскали
меж валунами
на побережье
голову Эскхере.
Видели воины,
как омут вспенивался
горячей кровью
(рог боевую
пел погудку);
спешившись, конники
тут же приметили
червоподобных
подводных чудищ,
игравших в зыбях,
лежавших на отмели,

морских драконов
из тех, что часто
в час предрассветный
парусу путь
преграждают в море,
1430 ища поживы;
хлынула нечисть
прочь, злобесная,
едва заслышала
звуки рога;
тут воин гаутский
стрелой из лука
пресек на водах
жизнь пучеглазого —
прямо в сердце
вошло стрекало, —
и змей, влекомый
потоком в море,
смертельно раненный,
все тише бился;
кабаньими копьями,
крюками острыми

его забагрили
и скоро вытянули
на сушу диковинного
1440 волноскитальца,
выходца бездны.

Беовульф к бою,
страха не знающий,
надел кольчугу,
доспех, сплетенный
руками искусников,
наряд, который
должен был в бездне
служить дружиннику, —
ратнику нужен
покров нагрудный,
хранящий в сечах
мечедробящих
сердце от раны,
жизнь от смерти;
и шлем сверкающий
нужен воину
в бучиле темных

водоворотов,
1450 кров надежный,
увитый сетью
и золоченым
вепрем увенчанный
(так он умельцем
лет незапамятных
был выкован дивно,
что ни единый
удар в сражении
ему не страшен).
Также герою
стало подспорьем
то, что вручил ему
вития Хродгаров:
меч с рукоятью,
старинный Хрунтинг,
лучший из славных
клинков наследных
(были на лезвии,
в крови закаленном,
1460 зельем вытравлены

узорные змеи);
в руке героя,
ступить решившегося
на путь опасный,
на вражью землю,
тот меч не дрогнет —
не раз бывал он,
клинок остреный,
в работе ратной.
Теперь, отдавая
оружие воину,
его сильнейшему,
не хвастал сын Эгглафа
своей могучестью,
как прежде случилось,
когда упился он
брагой на пиршестве, —
не он ведь решился,
жизнью рискуя,
1470 на подвиг в пучине,
чем честь и славу
свою поущербил!

Но не таков был
герой, надевший
одежды битвы.

23

И молвил Беовульф
сын Эггтеова:
«Славный! припомни,
наследник Хальфдана,
теперь, даритель,
когда я в битву
иду, о всемудрый,
что мне обещано:
коль скоро, конунг,
я жизнь утрачу,
тебя спасая,
ты не откажешься
от слова чести,
от долга отчего,
1480 и будешь защитой
моим сподвижникам,
дружине верной,

коль скоро я сгибну;
а все сокровища
твои, о Хродгар,
дары, за море
послать должно Хигелаку —
пусть он узнает,
гаут державный,
поймет сын Хределя,
взглянувши на золото,
что встретил я
щедрого кольцедарителя
и этим богатством
владел до срока;
а меч мой наследный
отдайте Унферту —
пускай муж сильный
моим владеет
1490 клинком каленым.
Я же стяжаю
победу Хрунтингом
или погибну!»
Завет измолвив,

не стал ждать ответа,
но прянул прямо
в бурлящие хляби
вождь гаутский —
морские воды
над ним сомкнулись.
Ко дну он канул
(был переходу
дневному равен
путь через бездну),
а там злобесная,
вод владычица,
бурь хозяйка
встретила, лютая,
героя, дерзнувшего
1500 проникнуть сверху
в ее пределы;
и, выпустив когти,
в охапку воина
она схватила,
но был в кольчуге,
в наряде ратном

неуязвим он —
не по зубам ей,
кровавогубой,
сбруя железная,
сеть нагрудника, —
и потащила
пучин волчица
кольцевладельца
в свой дом подводный,
и зря он пытался,
страха не знающий,
достать врагиню,
его влекущую,
1510 мечом ужалить;
морские чудища,
клыками лязгая,
грызли железо.
Так в скором времени
он оказался
в неведомом зале,
который кровлей
был отмежеван

от вод прожорливых,
от бездн холодных,
чертог обширный;
и там при свете
огня, в сиянье
лучистого пламени
пред ним предстала
пучин волчица,
женочудовище.
Тогда он с размаху,
с плеча обрушил
1520 железо тяжкое —
запело лезвие
о голову чудища
погудку бранную, —
но тут же понял он,
что луч сражений
над ней не властен,
ее не ранит
меч остролезвый,
он бесполезен
здесь, в этой битве,

шлемодробитель,
издревле слывущий
острейшим в сечах,
всесокрушающий —
впервые слава
меча лучистого
тогда помрачилась!
Но тверд был духом
и помнил о славе
1530 вершитель подвигов,
родич Хигелака:
он прочь отбросил
искуснокованый,
наземь кинул
клинок свой бесценный,
и сам, разгневанный,
себе доверился,
мощи рук своих.
(Так врукопашную
должно воителю
идти, дабы славу
стяжать всевечную,

не заботясь о жизни!)
Не устрашился
гаутский витязь:
схватил за плечи
родитель Гренделя
и, гневом кипящий,
швырнул врагиню,
1540 тварь смертоносную
метнул на землю;
она ж немедля
ему ответила:
в него кровавыми
впилась когтями —
и тут, уставший,
он оступился,
муж могучий,
он рухнул наземь.
Уже, пришельцу
на грудь усевшись,
она готовилась
ножом широким
воздать за сына;

но были доспехом
покрыты прочным
плечи героя,
была кольчуга
ножу преградой,
1550 и сгинул бы воин,
потомок Эггтеова,
вождь гаутский,
в водной пучине,
когда б не спасла его
сбруя ратная,
сеть боевая,
когда б Всевышний,
Правитель Славы,
его покинул;
но Бог справедливо
судил – и витязь
воспрянул, ратник
сильный, как прежде.

24

Тогда он увидел

среди сокровищ
орудие славное,
меч победный,
во многих битвах
он был испытан,
1560 клинок – наследие
древних гигантов;
несоразмерный,
он был для смертного
излишне тяжек
в игре сражений,
но ухватился
герой за черен,
посланец Скильдинга,
страха не знающий,
сплеча ударил
и снес ей голову, —
шею рассекши,
разбив хребтину,
пронзило лезвие
плоть зломерзостную;
тварь издохла;

клинок окровавился;
герой возрадовался!
И тут победный
1570 меч изнутри
озарился светом —
так ранним утром
горит на тверди
свеча небесная.
Вдоль стен по залу
прошел воитель,
кипящий яростью
дружинник Хигелака,
держа оружие
наизготове, —
тот меч герою
еще был нужен! —
воздать он задумал,
как должно, Гренделю
за то, что чудовищный
ходил еженощно
войной на данов
и не единожды,

но многократно
1580 крал из Хеорота
родичей Хродгара,
спящих дружинников
губил без жалости —
пятнадцать сожрал он
мужей датских,
без счета прочих
ему досталось
людей в поживу;
за те злодейства
он поплатился! —
сыскал отмститель
труп Гренделя в зале,
плоть изувеченную, —
таким, спасаясь,
бежал враг из Хеорота,
с места схватки;
далеко отпрянула
мертвая туша,
когда от тулова
1590 отъяло лезвие

огромную голову.
Тогда-то ратники
из дружины Хродгара,
на страже ставшие,
дозором над заводью,
увидели воины,
как воды вспучились,
покрылись зыби
кровавой пеной;
тогда же старцы
седоголовые
совет держали,
решили мудрейшие,
что не вернется
дерзкий воитель,
вновь не явится
перед владыкой:
победу празднует —
так рассудили —
1600 пучин волчица;
и в час девятый
всеславный Скильдинг,

златодаритель,
ушел с дружиной
домой, а на взморье
одни остались
гауты, гости,
скорбели и ждали
и не надеялись
в живых увидеть
вождя любимого.

И тут меч, смоченный
в крови зломерзких,
клинок, как ледышка,
в руках стал таять —
то было чудо:
железо плавилось,
подобно льдинам,
когда оковы
1610 зимы на море
крушит Создатель,
Судеб Владыка,
Повелитель Времени.

Из всех сокровищ,
какие видел
гаутский воин
в подводном доме,
лишь вражью голову
да еще самоцветный
взял чудо-черен,
меча огарок
(истлила лезвие,
сожгла железо
кровь ядовитая
врагов человеческих);
и в путь обратный
он, невредимый
чудищеборец,
пустился в пучинах;
1620 и были чисты
бурные воды,
пустынны хляби,
где прежде властила
тварь злотворная,
в схватке сгибнувшая.

Добродоблестный
к спасительной суше
выплыл воин
и вынес на берег
добычу победы,
дань битвы;
а там уж встретила
вождя дружина,
Господу в радости
благодарствующая
за спасение витязя,
в живых возвращенного;
и от бремени шлема
свободили его,
1630 от нагрудника тяжкого;
и тогда успокоились
воды в том омуте
окровавленном.

От скал приморских
тропой знакомой,
дорогой хоженой
шли дружинники,

в сердце радуясь,
и несли с побережия
неподъемную
мертвую голову,
череп чудища,
отягчавший им
плечи, сильным,
всем по очереди, —
так, по четверо,
волокли с трудом
на древках копий
голову Гренделя
1640 к золотому чертогу;
все четырнадцать
выступали в ряд,
впереди же всех
по лугам шагал
вождь могучий,
из них сильнейший.
И явились в хоромину;
и направился он,
достославный,

отважный в битве,
предводитель их,
прямо к Хродгару,
к престолу конунга,
а за ним внесли
притороченную за волосы
к древкам ясеневым
голову Гренделя
в зал для пиршеств
на страх пирующим,
1650 и хозяйке-владычице
напоказ чудо-голову.

25

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:
«Вот, гляди, тебе,
сын Хальфдана,
дань с морского дна,
владыка Скильдингов,
в знак победы
сюда принесли мы!

То была не простая
служба ратная,
но подводная битва,
непосильный труд, —
шел на смерть я,
на верную гибель
в бурной бездне,
да Бог упас!
Острый Хрунтинг —
хотя и вправду
1660 меч отменный —
мне не сгодился,
но другое Создатель
дал мне орудие:
меч гигантов,
клинок светозарный,
там висел на стене —
так хранит Господь
смертных в бедствии!
Этим лезвием,
с помощью Божьей
удалось одолеть мне

вод владычицу;
но растаял клинок —
то железо расплавила
кровь горячая,
битвы испарина, —
мне ж достался
огарок – черен.
За датчан сполна
1670 я воздал
ярой нечисти
и клянусь, что отныне
ты с дружиной,
со старейшинами,
с домочадцами
сможешь в Хеороте
спать бестревожно,
ибо адские выходцы,
силы дьявольские,
твои земли покинули,
конунг Скильдингов,
прежние скорби
не воротятся!»

И тогда золотую
рукоять меча,
исполинов наследье,
он вручил седовласому
старцу-воину,
и до веку владел
1680 вождь датчан
той диковиной —
после гибели
богопротивников,
после смерти зломерзких
сына и матери,
драгоценность
искусно выкованная
отошла во владение
к наилучшему
на земле междуморской,
к достойнейшему
из дарителей золота,
к датскому конунгу.
Хродгар вымолвил
(он разглядывал

древний черен,
искусно чеканенный,
на котором означивалось,
как пресек потоп
1690 великаново семя
в водах неиссякаемых, —
кара страшная! —
утопил Господь
род гигантов,
богоотверженцев,
в хлябях яростных,
в мертвенных зыбях;
и сияли на золоте
руны ясные,
возвещавшие,
для кого и кем
этот змееукрашенный
меч был выкован
в те века незапамятные
вместе с череном,
рукоятью витой)
слово мудрое

сына Хальфдана
(все безмолвствовали):
1700 «Вождь, творящий
справедливый суд,
старец-землевластитель,
многое помнящий,
утверждает: рожден
этот воин
для славы всеземной!
Да! молва о тебе
в племенах человеческих
далеко разнесется,
благороднейший друг мой Беовульф!

Мудромыслием, доблестью
ты стяжал теперь
нашу дружбу
и назван сыном;
ты же в будущем
над народом твоим
утвердишься (известно мне!)
добродетелями,
не как Херемод,

1710 наследник Эггвелы,
что над Скильдингами
гордо властвовал
не во благо им,
но к погибели
племени датского.
Он, исполненный лютости,
домочадцев разил,
сотрапезников,
и покинул мир,
вождь неправедный,
в одиночестве;
и хотя Творец
одарил его
всемогуществом
и возвысил его
над народами,
все равно в душе
жаждал он кроволития,
и не кольцами
1720 данов радовал,
но безрадостные

длил усобицы,
распри ратников
во владеньях своих.
Вот урок тебе,
мудрая притча,
слово старца,
вождя многозимнего:
то не чудо ли,
что всесильный Господь
от щедрот своих
наделяет людей
властью и мудростью,
возвышает их, —
Бог, он всем вершит! —
он же в сердце
высокородного
поселяет страсть
любостяжания
1730 и возводит его
на наследный престол,
ставит сильного
над дружиной,

над селеньями
и над землями
столь обширными,
что немудрому мнится,
будто нет пределов
владеньям его;
и богатство его возрастает,
и ни старость, ни хвори
не вредят ему,
беды и горести
не мрачат души,
и мечи врагов
не грозят ему,
ибо целый мир
под пятой у него.

26

Он же не ведает,
1740 что, покуда в нем
расцветала страсть
да гордыня росла,
в его сердце страж,

охранитель души,
задремал, почил,
сном пересиленный,
а губитель уже
тайно лук напряг
и направил стрелу,
от которой душа
под кольчугой не спрячется,
под железною броней, —
нет спасенья
от посланницы адских
вредотворных сил,
станет мало
ему, ненасытному,
всех имений его,
станет он гневлив
1750 и на кольца скуп,
и, презрев Судьбу,
он отвергнется
от Бога благостного,
ниспославшего ему
власть и золото;

между тем к окончанью
жизнь клонится,
обращая в прах
тело бренное,
плоть ветшающую;
а на смену отжившему
придет конунг,
на рать расточающий
все богатства предместника
щедрой рукой.
Берегись же и ты,
милый мой Беовульф,
этих помыслов пагубных,
но ступи на путь
1760 блага вечного
и гордыню, воитель,
укроти в себе,
ибо ныне
ты знатен мощью,
но кто знает, когда
меч ли, немочь ли
сокрушат тебя,

иль объятия пламени,
или пасть пучины,
или взлет стрелы,
или взмах меча,
или время само —
только свет помрачится
в очах твоих,
и тебя, как всех,
воин доблестный,
смерть пересилит!
Пять десятков зим
я под сводом небесным
1770 правил данами,
утверждая оружием
их могущество
в этом мире
между многих племен,
и тогда возомнил,
будто нет мне
под небом недруга.
Но пришла беда! —
разоренье и скорбь

после радости! —
Грендель, выходец адский,
объявился, враг
в дом мой повадился!
И от злобы его
много я протерпел
мук и горестей;
но слава Господу
Небоправителю,
что продлил мои дни,
1780 дабы ныне
эту голову изъязвленную
я увидел воочию
после долгостраданий моих!
Время! сядем за пир!
Винопитием
усладись, герой!
На восходе, заутра
я с тобой
разделю сокровища!»

Слову мудрого радуясь,
воин гаутский

занял место
в застолье праздничном:
и дружине,
и стойкому в битвах
лучше прежней была
изобильная трапеза
приготовлена снова.

Ночь шеломом
1790 накрыла бражников,
и дружина повстала:
сребровласого
старца Скильдинга
одолела дрема,
да и гаута сон,
щитобойца-воителя,
пересиливал,
и тогда повел
к месту отдыха
гостя, воина,
издалека приплывшего,
истомленного ратника,
домочадец,

слуга, обиходивший
по обычаям древним
мореходов и путников
в этом доме.
Уснул доброхрабрый;
и дружина спала
1800 под высокою кровлей
зала златоукрашенного.
А когда в небесах
ворон черный
зарю возвестил,
солнце светлое
разметало мрак,
встали ратники,
меченосцы,
в путь изготовились,
дабы вел их вождь
к водам, странников,
на корабль свой,
опытный кормчий.
И тогда повелел он
Хрунтинг вынести,

остролезвое
железо славное,
и вернул сыну Эгглафа
с благодарностью,
1810 молвив так:
этот меч —
лучший в битве друг!
(и ни словом худым
о клинке не обмолвился
добросердый муж!);
а потом с нетерпением
рать снаряженная
дожидалась его,
поспешившего
в золотые чертоги,
где предстал герой,
полюбившийся данам,
перед Хродгаром.

27

Молвил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Ныне волим мы,
морестранники,
возвратиться
в державу Хигелака.
1820 Ты приветил нас,
дал нам пристанище,
был хозяином
щедрым и ласковым;
и коль скоро случится
мне на этой земле
ради дружбы твоей
сделать большее,
чем уже свершил,
о народоводитель,
буду рад я
работе ратной;
и коль скоро за море
донесет молва,
что соседи
тебя тревожат,
как бывало уже,
угрожая набегами, —

я пошлю тебе войско
в тысячу воинов,
1830 рать на выручку,
ибо знаю, что Хигелак,
хоть и молод
правитель гаутский,
он поможет мне
словом и делом, —
я, как должно, в сраженье
послужу тебе,
и добуду победу
с древом битвы в руках,
и пополню
твою дружину.
Если ж Хредрик,
наследник державный,
к нам наведается,
в земли гаутские,
встретит он друзей, —
страны дальние
хороши для того,
кто и сам неплох!»

Тут, ответствуя,
Хродгар промолвил:
«Слово это
вложил в твое сердце
сам всемудрый Бог,
ибо разума большего
в людях столь молодых
не встречал я!
Ты крепок телом,
сердцем праведен
и в речах правдив!
Я же чаю,
что случай выпадет
сыну Хределя
от меча ли погибнуть,
от копья-стрелы,
от железа, болезни ли,
но любезный твой
вождь упокоится, —
ты же выживешь! —
и тогда-то уж гаутам
не сыскать среди знатных

достойнейшего,
кто бы лучше
управил державу, —
лишь бы сам ты
престол не отринул!
А еще по душе,
милый Беовульф,
мне твое благомыслие,
ибо ты учинил
в наших землях мир
и согласье
в гаутах с данами, —
и отныне меж нами
не бывать войне,
и усобицы прежние,
распри забудутся!
И покуда я властен
в державе моей,
1860 я сокровищ не закрою —
пусть из края в край,
от друзей к друзьям,
лебединой дорогой

по равнине волн
корабли кольцегрудые
перевозят дары!
Знаю я, мои подданные
должным образом,
доброчестным обычаем
встретят недругов
и приветят друзей!»

Тут двенадцать даров
друг дружины,
сын Хальфдана,
поручил мореплавателю,
дабы эти сокровища
свез он родичам
в земли отчие
да скорей бы к нему возвращался;
1870 и тогда благородного
крепко обнял
владыка Скильдингов
на прощание,
лобызая воителя, —
и сбежала слеза

по щеке седовласого,
ибо старец,
гадая надвое,
не надеялся
вновь увидеть
в своем чертоге
и услышать вождя,
так ему полюбившегося,
что не смог он сдержать
в сердце бурю слез;
и не раз потом
грустью полнилась
грудь правителя —
вспоминался ему
1880 воин избранный.

Вышел Беовульф
из хором на луга,
славным радуясь
золотым дарам
(а уж конь морской
ждал хозяев,
корабль на якоре);

шли герои,
расхваливали
подношения Хродгаровы:
он воистину
вождь безупречный! —
только старость
его и осилила,
как и всякого смертного.

28

Шла дружина
мужей доспешных
к побережию,
и сверкали на воинах
1890 сбруи ратные,
кольцекованые.
Страж прибрежный
следил с утеса,
как и прежде;
дивясь на воинство,
потрясал он копьем,
не грозя, но приветствуя:

вот идет на корабль свой
рать сверкающая,
гордость гаутов!
И взошли они
на корму круто выгнутую,
нагрузили
ладью на отмели
и казною, и конями,
и припасами воинскими,
и дарами бесценными
из сокровищниц Хродгара
переполнили.
1900 Корабельного Беовульф
одарил караульщика
золоченым мечом,
дабы этим отличием,
древним лезвием,
страж гордился
в застольях бражных.

И отчалили корабельщики,
и отплыли, покинули
землю данов;

взвился на мачте
парус, плащ морской,
к рее крепко привязанный,
древо моря
скользнуло по волнам —
и помчалось;
ни разу над водами
непопутного не было
ветра плавателям,
и летел через хляби соленые
1910 прочно сбитый борт
по равнине бурь;
скалы гаутские
показались вблизи,
берег знаемый, —
быстро к пристани,
подгоняемый ветрами,
побежал корабль!
А уж там их
встречал дозорный
страж, высматривавший
в океанской дали

возвращающихся
морестранников;
привязал он
широкореброго
вервью к берегу,
чтобы дерево плаваний
в хляби водные
не увлек отлив.

1920 Повелел тогда
людям Беовульф,
благо путь недалекий,
на плечах снести
золотую кладь
к дому Хигелака,
сына Хределя, —
на приморском холме
вождь с дружиной
сидел в хоромах.
Был дворец тот обширен,
владыка могуч,
а жена его, Хюгд,
и юна, и разумна,

и ласкова,
хоть и мало зим
провела она
в этом доме,
дочь Хереда,
наделяя без робости
1930 гаутских воинов
драгоценностями
от щедрот своих.
Ни гордыней, ни хитростью
не подобилась Хюгд
Трюд-владычице,
той, на чье лицо
заглядеться не осмеливался
ни единый
из лучших воителей,
кроме конунга,
ибо каждый знал:
страшной каре
повинный подвергнется,
смертным узам,
и меч, не мешкая,

огласит над злосчастным
приговор Судьбы —
и без жалости
смертоносное лезвие
1940 сокрушало жизнь.
Не к лицу то властительнице,
не пристало то женщине,
даже лучшей из жен,
прях согласья,
по злобе, наветами
лишать жизни
мужей неповинных!
Родич Хемминга, Оффа,
укротил ее;
и за чашей медовой
люди сказывали,
что смирилась,
притихла злочинная
с той поры, как взял
юный вождь
деву златоукрашенную
в жены за море,

конунг Оффа
в свои чертоги, —
1950 там по воле отцовской,
за желтыми водами,
зажила она,
с той поры добронравная,
многовластная
благоденствовала,
и была ей ниспослана
доля радостная,
и любил ее
вождь дружинный,
герой досточестный,
из сынов земли
всеизвестнейший, —
так я слышал, —
от моря до моря
Оффа славился
и победами ратными,
и подарками щедрыми
копьеносцам-дружинникам,
и в державе своей

1960 мудровластием;
и таким же, как он,
был внук Гармунда,
родич Хемминга,
в битвах яростный Эомер,
покровитель воителей.

29

Предводитель шел,
и дружина за ним,
от приморских песков
по знакомой дороге,
прочь от берега, —
светоч небесный,
солнце с полдня
тропу озаряло.
Ускоряя шаг,
поспешала рать
ко дворцу, где сидел
юный конунг,
хранитель державы,
щедросердый вождь,

1970 победитель Онгентеова.
Прежде них добежала
весть до Хигелака
о пришествии Беовульфа:
он вернулся
живой, невредимый
с бранных игрищ, —
уже приближается
ко дворцу друг щита,
к дому отчему!
Тотчас было
владыкой повелено
во дворце чертог
приготовить для странников,
и воссели там
родич с родичем,
вождь с героем,
из похода вернувшимся,
и, как должно,
хозяина доброго
1980 витязь приветствовал.
Обходили стол

чаши с брагою:
честных ратников
медом потчевала,
мореходов,
дочь Хереда;
тут же Хигелак,
в зале пиршественном,
их расспрашивал,
ибо знать желал,
что морская рать,
что дружина гаутская
на чужбине изведала:
«Ты покинул нас,
родич Беовульф,
обуянный желанием
испытать себя
за солеными хлябями
битвой в Хеороте, —
1990 что же было потом?
Спас ли Хродгара ты,
досточтимого конунга,
от напасти

всеземноизвестной?
Я не верил в успех,
сокрушался в душе
и, страшась твоих
дерзких замыслов,
друг возлюбленный,
умолял не искать
встречи с чудищем,
но понудить самих
южных данов
соперничать с Гренделем.
Слава Господу,
что хранил тебя
и вернул в живых!»

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:
2000 «То известно,
вождь мой Хигелак,
многим людям,
нам повстречавшимся,
как я с Гренделем
переведался

в том чертоге,
в ночной хоромине,
в доме Скильдинга,
где бесчинствовал
адский выходец, —
так воздал я ему,
что соотчичи Гренделя,
твари гнусные,
искони прозябающие
в прахе, проклятые,
никогда не похвалятся
этой битвой
и воплем заутренним!
Гостем Хродгара
2010 я вошел во дворец,
в зал для пиршеств,
где сын Хальфдана,
как услышал
мое прозвание,
удостоил меня
местом возле
престолонаследника.

Ликовала дружина —
в жизни я не видал
большей радости
в бражном застолье;
там хозяйка державная,
миротворица,
не воссев еще
за веселый стол,
высылала в зал
юным дружинникам,
им на радость,
витое золото;
2020 подносила воителям
дочь Хродгара
чаши с медом,
и я услышал
имя – Фреавару;
так ее называли,
пряху мира,
герои, одаренные
кубком дивноукрашенным.
Златоубранная

эта дева обещана
сыну Фроды, счастливцу:
за благо счел
мудрый Скильдинг,
хранитель державы,
избежать войны,
выдав деву
замуж за недруга.
Только редко где
после гибели кольцедробителя
2030 опускаются копья,
смерть несущие, —
и невесте желанной
не упрочить согласия,
ибо вождь хадобардов
не возрадуется,
ни дружина,
ни его сородичи,
когда он войдет
с молодой женой
в отчий дом – и увидит
гордых данов

посланников,
а на них златокованую
сбрую древнюю,
достояние хадобардское,
родовое оружие,
им служившее
до поры, пока
в мечевой игре
2040 не похищено было
вместе с воинами».

30

Там, за чашей медовой,
седой боец,
не забывший убитых
своих соратников,
он, печальный,
глядя сумрачно
на знакомый клинок,
станет сердце
юного витязя
бередить да испытывать,

разжигая в нем
пламя кровоотмщения:
«Узнаешь ли ты, друг,
меч прославленный,
твоего отца
драгоценный клинок,
послуживший ему
в том сражении,
2050 где он пал,
шлемоносец-воитель,
в сече с данами,
где, разбив нашу рать, —
без отмщенья погибшую, —
беспощадные Скильдинги
одержали верх?
А теперь в этом зале
сын убийцы сидит,
той добычей кичащийся,
окровавленным лезвием,
тем наследьем,
что по праву
тебе причитается!»

И такими речами
распаляет он воина,
подстрекает, покуда
за дела отца
сын не поплатится,
не падет окровавленный
2060 под ударами лезвия
дан-пришелец,
слуга Фреавару;
хадобард же спасется,
ибо знает он
все дороги
в краю отеческом.
И пойдет разлад:
клятвы нарушатся,
вспыхнет ярость
в сердце Ингельда,
пыл воинственный,
а любовь к жене
охладеет в нем.

Хадобардам
я не верил бы —

ни в их верность,
ни в дружбу с данами,
ни в согласье бессрочное!
А теперь пора,
2070 о даритель сокровищ,
рассказать и о Гренделе;
я поведаю,
как сошлись мы
с ним врукопашную:
чуть запал за пригорки
самоцвет небес,
к нам ворвалось
злое чудище,
лютый недруг,
в дружинный зал,
где мы стражу держали;
первым Хандскио
пал от рук его,
муж, Судьбою-владычицей
обреченный на смерть, —
и, припав к нему
мечезубым ртом,

Грендель мерзостный
соплеменника нашего
2080 разодрал в куски
и насытился человечиной;
но прожорливый
из чертога дружинного
не спешил бежать
сыроядец, вор
без поживы,
с пустой котомкой, —
и ко мне протянул он
руку грозную,
лапу острокогтистую;
на груди у него
пребольшой висел
крепко сшитый мешок,
хитроумно сработанный
адской тварью,
кошель необъятный
из драконьих кож, —
и вот в ту мошну
он намерился

2090 затолкать и меня,
безоружного,
как и прочих, —
да попятился,
ибо в ярости
я встал на ноги!

Долго сказывать,
как я сквитывался
с людоедом, —
но этой битвой
преумножил я,
о народоправитель,
славу нашего племени!
Враг успел бежать —
но не долго жить
оставалось ему,
ибо в Хеороте
он утратил
плечо с предплечьем, —
обессиленный
2100 в омут кинулся
адский выходец.

Нас на радости
Скильдинг державный
наградил золотыми пластинами
и несметной казной,
и воссели мы поутру
за веселый пир —
пело воинство,
ликовала рать;
сам же Скильдинг
седой, многоопытный
нам поведывал
о былых временах —
и словам его
арфа вторила,
сладкозвучное дерево, —
то он пел нам
песни безрадостные,
то предания сказывал
2110 чудо-истинные,
властитель милостивый,
то с тоской вспоминал
годы минувшие,

силу юности,
сокрушенную временем, —
сердце старца
печалью полнилось,
горькой скорбью
по невозвратимому.
Так с утра
пировали мы,
пили брагу до вечера,
а когда над хороминой
тьма распростерлась,
матерь Гренделя
вознамерилась
кровью выместить
смерть единственного
сына, павшего
2120 в схватке с гаутами;
и средь ночи
это женочудовище
погубило героя
неповинного —
жизнь покинул

старейшина ратный,
старый Эскхере, —
и не было поутру
тело мужа
пламени предано,
и, оплакав сородича,
даны горестные
не могли на костер
возложить его,
ибо жертву свою
в горный водоворот
утащила врагиня
кроваворукая.
То для Хродгара,
2130 о народе пекущегося,
было скорбью,
горем великим;
стал он жизнью твоей
заклинать меня
вновь подвигнуться
на деяние воинское:
и для славы,

и ради награды
в хлябях ратовать.
Там, на дне морском,
отыскал я
злоизвестную
вод владычицу,
и схватились мы с ней
один на один:
океан окровавился,
как в подводном чертоге
снес я чудо-мечом
голову чудищную,
2140 избежал я
когтей остролезвых —
знать, иная
мне смерть начертана! —
и воздал мне вождь,
сын Хальфдана,
щедрой платой,
дарами несметными!

31

Не нарушил он
благочиния древнего,
и ни в чем мне
отказа не было, —
был я взыскан
наследником Хальфдана,
награжден за труд
по желанию моему.
И теперь те сокровища
я тебе от души
подношу, господин мой,
ибо счастье ищу
2150 лишь в твоей благосклонности:
ты родня мне, —
один из немногих! —
добрый мой Хигелак!»

В дом внести повелел он
вепреглавый стяг,
шлем высокий,
кольчугу железную

и отменный меч;
молвил Беовульф:
«Мне от мудрого старца,
от державного Хродгара,
был наказ такой:
чтобы в первую голову
я тебе поднес
это оружие
да сказал бы,
что конунг Херогар,
властный Скильдинг,
владел до срока
2160 этим ратным нарядом,
но оставил его
не наследнику,
не любимому сыну
всехраброму Хероварду, —
ты хозяин сокровища!»
А еще – так мне сказывали —
провели напоказ
через двор четырех
жеребцов гнедопегих —

все один к одному;
отдал он повелителю
и коней, и оружие
(так и должно дружиннику:
не плести на соседей
сетей хитрости,
ни коварных ков,
козней душегубительных,
на соратников и сородичей!), —
предан Хигелаку
2170 был племянник его,
и пеклись они
друг о друге
во всяком деле!
И еще я слыхал:
преподнес он Хюгд
шейный обруч,
подарок Вальхтеов,
а в придачу – трех
тонконогих коней
в ратной упряжи;
золотое кольцо

украшало с тех пор
шею владычицы.
Таковым оказался
сын Эггтеова,
в битвах доблестный,
в делах добродетельный:
он в медовых застольях
не губил друзей,
2180 не имел на уме
злых намерений, —
воин, взысканный
промыслом Божьим
и под небом сильнейший
из сынов земли,
незлобив был
и кроток сердцем.
Прежде гауты
презирали его и бесчестили,
и на пиршествах
обходил его
вождь дружинный
своей благосклонностью,

ибо слабым казался он
и беспомощным,
бесполезным в бою;
но теперь он за прежнее
получил с лихвой
воздаяние!
2190 Конунг Хигелак
повелел внести
в зал дружинный
наследие Хределя
златоблещущее —
тот, единственный
из гаутских мечей,
наилучшее лезвие, —
и отдал клинок
во владение Беовульфу;
и отрезал ему
семь тысяч земли
вместе с домом,
с чертогом престольным, —
сообща они правили,
сонаследники,

и дружиной и землями,
но державой владел
только конунг,
законный владыка.

2200 И случилось так
по прошествии лет,
что и Хигелак сгинул,
и Хардред
от меча погиб, —
под стеной щитов
пал наследник
дружиноводителя,
когда рать свою
вел в сражение
против воинства
жестоких Скильвингов,
сгинул в битве
племянник Херерика.
И воспринял тогда
власть державную
конунг Беовульф:
пять десятков зим

мудро правил он
мирным краем
2210 и состарился.

В те поры дракон,
змей, исчадье тьмы,
там явился, хранитель
клада, скрытого
в неприступных горах
среди каменных круч,
где дорога
человеку заказана;
лишь однажды
к тем богатствам языческим
некий смертный
посмел проникнуть,
и покуда уставший
страж беспечно спал,
вор успел золоченую
чашу выкрасть,
умыкнуть из сокровищницы
драгоценный сосуд —
вот начало злосчастья,

2220 вот причина
людских печалей!

32

Не от добра он
избрал опасную
тропу, дорогу
к норе драконьей,
но, нерадивый
слуга старейшины,
он, провинившись,
бежал от кары,
ища пристанища
в дальней пещере.
Беглец злосчастливый
незваным гостем
вошел под своды —
и страх и ужас
его обуяли,
но, вспять пустившись,
он, многогрешный,
успел, однако,

2230 из той сокровищницы
похитить чашу…
одну из множества
захороненных
в земле издревле.
В дни стародавние
последний отпрыск
великого рода,
гордый воитель,
чье племя сгинуло,
сокрыл заботливо
в кладохранилище
сокровища родичей:
их всех до срока
смерть поразила,
и страж, единственный
их переживший,
дружину оплакивал,
в душе предчувствуя
ту же участь —
2240 не долго он сможет
богатствам радоваться.

Курган возвысился,
свеженасыпанный
близ моря на мысе,
в укромном месте
между утесами;
и там сложил он
пластины золота,
казну дружинную
и достоянье
кольцедарителя,
творя над кладом
заклятья великие:
«Земля! отныне
храни драгоценности,
в тебе добытые,
коль скоро люди
хранить их не могут!
Смерть кроволитная,
2250 война истратила
моих родовичей;
не видеть им больше
чертога пиршественного,

не встанут воины
с мечами на страже,
некому ныне
лощить до блеска
чеканные кубки, —
ушли герои! —
и позолота
на гордых шлемах
скоро поблекнет —
уснули ратники,
что прежде чистили
железо сражений, —
и вместе с ними
доспехи крепкие,
предохранявшие
в игре копейной
2260 от жал каленых,
в земле истлеют —
кольчуга с витязем
не разлучится!
Не слышно арфы,
не вьется сокол

в высоком зале,
и на дворе
не топочут кони, —
все похитила,
всех истратила
смертная пагуба!»
Так в одиночестве
и днем и ночью,
живой, он оплакивал
племя сгинувшее,
покуда в сердце его
не хлынула
смерть потоком.

Клад незарытый
2270 стал достоянием
старого змея,
гада голого,
гладкочешуйного,
что над горами
парил во мраке
палящим облаком,
ужас вселяя

в людские души, —
ему предначертано
стеречь языческих
могильников золото,
хотя и нет ему
в том прибытка;
и триста зим он,
змей, бич земнородных,
берег сокровища,
в кургане сокрытые,
покуда грабитель
не разъярил его,
2280 вор дерзкий,
слуга, похитивший
из клада кубок,
дабы снискать себе
вины прощенье, —
так был злосчастным
курган ограблен;
слугу хозяин
за то помиловал,
ибо впервые

он видел подобную
вещь издревнюю.

Дракон проснулся
и распалился,
чуждый учуяв
на камне запах:
не остерегся
грабитель ловкий —
слишком близко
подкрался к чудовищу.
2290 (Так часто случается:
кому не начертана
гибель, тот может
избегнуть горя,
спасенный Господом!)
Златохранитель
в подземном зале
искал пришельца,
в пещеру проникшего,
покуда спал он;
потом и пустыню
вблизи кургана

змей всю исползал,
но ни единой
души не встретив,
он, ждущий битвы,
сражения жаждущий,
вернулся в пещеру
считать сокровища —
и там обнаружил,
2300 что смертный чашу
посмел похитить,
из зала золото!
Злоба копилась
в холмохранителе,
и ждал он до ночи,
горящий мщением
ревнитель клада,
огнем готовый
карать укравших
чеканный кубок.
Едва дождавшись
вечерних сумерек,
червь огнекрылый

палящим облаком
взлетел с кургана —
тогда-то над краем
беда и грянула,
напасть великая,
а вскоре и конунг
2310 с жизнью расстался,
нашел кончину.

33

Огонь извергая,
жизнекрушитель
зажег жилища;
пламя взметнулось,
пугая жителей,
и ни единого
не пощадила
тварь огнекрылая,
и негде было
в стране обширной
от злобы змея,
от пагубы адской

гаутам скрыться,
когда безжалостный
палил их жаром;
лишь на рассвете
спешил он в пещеру
к своим сокровищам,
2320 а ночью снова
огнедыханием
людей обугливал.
(И все же напрасно
крепость курганную
он мнил неприступной!)
Внедолге и Беовульф
сам изведал
гибельность бедствия:
дом с престолом
вождя гаутского
в потоках пламени
сгорел и расплавился;
оплакал старец
сердопечальный
свое злосчастье;

и думал всемудрый,
что Бог гневится,
Создатель карает
за то, что древние
2330 не блюл он заповеди,
и сердце воина
впервые исполнилось
недобрым предчувствием.
Дом дружинный,
испепеленный
палящим змеем,
дворец в пучинах
пожара канул,
но конунг ведеров
ратолюбивый
замыслил мщенье,
и повелел он,
военачальник,
невиданный выковать
железоцельный
щит обширный,
ибо не выдержит

щит деревянный,
тесина ясеневая,
2340 жара пламени,
дыханья драконьего,
а вождь был должен
дни этой жизни
в битве окончить,
убив чудовище,
издревле хранившее
клад курганный!

Почел бесчестьем
кольцедаритель
вести дружину,
рать многолюдную
на огнекрылого:
единоборства
он не страшился,
не веря ни в силу,
ни в отвагу змея.
Немало опасностей
герою выпало
в дальних походах,

2350 в грозных игрищах,
с тех пор как Хродгара
воитель странствующий
избавил от Гренделя,
очистил Хеорот
и женочудище
в битве осилил.
Не легче было
ему и в схватке,
где сгибнул Хигелак,
войсководитель,
гаутский конунг:
в пылу сражения
на поле фризском
потомок Хределя
пал наземь,
мечами иссеченный,
но спасся Беовульф! —
пловец искусный,
он вплавь через хляби
2360 один возвратился
и тридцать тяжких

вынес доспехов
на берег моря;
и не хвалились
победой хетвары,
противуставшие
ему в сражении
щитоносители, —
из них немногие
с поля вернулись,
домой из сечи.
С недоброй вестью
он, одинокий,
приплыл, сын Эггтеова,
к земле отеческой,
и Хюгд поклонилась
ему дружиной,
казной и престолом,
ибо не верила,
2370 что сын ее в силах
по смерти Хигелака
спасти державу
от ратей враждебных;

но тщетно в страхе
они, бессчастные,
молили воителя
принять наследье
и править народом
помимо Хардреда,
стать хозяином
в землях гаутских, —
однако, мудрый,
он не покинул
советом юного
владыку, покуда
мужал вождь ведеров.

Когда же явились
морескитальцы,
наследники Охтхере,
2380 восставшие против
морского конунга
в державе Скильвингов,
сыны-изгнанники
пришли из Швеции
к гаутам, за море,

ища прибежища, —
тогда-то Хардред
гостеприимный
убит был Онелой,
наследник Хигелака,
приют им давший,
а сын Онгентеова,
убийца Хардреда,
бежав от гаутов,
в свой дом возвратился;
остался Беовульф
единовластным
вождем над ведерами, —
то добрый был конунг!

34

2390 За смерть предместника
отмстил он, как должно,
в недолгом времени —
на помощь Эадгильсу,
вождю одинокому,
сыну Охтхере,

в знак дружбы он выслал
дружину за море,
рать и оружие;
и враг, застигнутый
зимним походом,
сгинул Онела.
Невзгоды многие
преодолевший,
несокрушимый
вершитель подвигов,
так дожил сын Эггтеова
до дня урочного,
и в час предначертанный
с драконом сведался.

2400 Владыка гаутов,
а с ним одиннадцать
его соратников
искали змея.
Первопричину
людских несчастий
и смертоубийства
вождь знал, поскольку

слуга, положивший
к ногам хозяина
ту чашу краденую,
был тринадцатым
в его отряде, —
виновник распри
и злополучия
не доброй волей,
но покорный приказу,
корчась от страха,
он вел дружину
к тому подземелью,
2410 к холму, что высился
близко от бурных
вод океана,
где кольца золота
тонко витые
хранил надменный
ревнитель, сторож
древнего клада,
в подземном логове, —
взять те сокровища

сумел бы смертный
лишь ценой непомерной!

Златодаритель,
на холм взошедши,
воссел, дабы слово
промолвить гаутам,
проститься с ними:
он сердцем предчуял
соседство смерти,
Судьбы грядущей,
2420 уже готовый
старца приветить
и вместе с жизнью
изъять из тела
душу-сокровище, —
недолго будет
дух войнолюбый
томиться в плоти;
и молвил Беовульф,
потомок Эггтеова:
«Перевидал я
немало с молодости

сеч и усобиц —
и все помню!
Семь зим мне было,
когда державный
меня от родителей
взял владыка:
казна и пища
мне шли от Хределя,
2430 и воспитал меня
конунг, мой родич;
в его чертоге,
дитя чужое,
в глазах правителя
я был не хуже,
чем дети родные,
чем Хадкюн и Херебальд
и добрый мой Хигелак.
И так случилось,
что младшего брата
свалил брат Хадкюн
на ложе смерти
стрелой, сорвавшейся

с упругого лука
в игре, на охоте
без злого умысла, —
братогубительству
была причиной
стрела неверная,
2440 поэтому Хредель
не мог по праву
воздать за сына
другому сыну —
без отомщения
остался Херебальд!
Так некий старец,
увидевший кровного
чада тело
на дереве смерти
в удавке пляшущее,
горько сетует,
слагает строфы
об отпрыске юном,
в петле висящем
на радость воронам,

а сам он, старый,
не властен исправить
участь детища;
зовет он поутру
2450 дитя ушедшее,
не чая дождаться
другого наследника
богатствам и дому,
коль скоро единственному
сыну выпал
злосчастный случай,
смертный жребий;
войдет ли рыдающий
в покои отрока —
там запустенье,
гуляет ветер
в безрадостном зале, —
уснул наездник,
ратник в могиле! —
умолкли арфы,
и прежних пиршеств
не будет больше!

35
Выйдет ли скорбный,
один, стеная, —
2460 дом и усадьба
ему покажутся
чрезмерно обширными!
Вот так же и в сердце
владыки ведеров
таилось горе:
убит был Херебальд,
но вождь был невластен
за смерть возмездием
воздать убийце,
ведь и постылого
отец не в силах
сына подвергнуть
позорной казни!
Тогда он в душе своей
людские радости
отринул ради
света Господня:
селенья и земли

он, уходящий,
2470 как должен владелец,
оставил детям.
И были битвы,
ходили шведы
войной на гаутов,
морскими походами,
с тех пор, как умер
державный Хредель,
и до поры, пока
сыны Онгентеова
войнолюбивые
не пожелали
мира на море,
но в дерзких набегах
с нами сходились
близ Хреоснаберга.
И многим известно,
как наше воинство
с ними сквиталось
за кроволития,
2480 хотя победа

была добыта
ценой крови
вождя гаутского, —
настигла Хадкюна
в той схватке гибель.
Но, как я слышал,
убийца конунга
убит был наутро,
воздал за родича
родич Эовор,
встретив Онгентеова, —
шлем от удара
широко треснул,
пал наземь Скильвинг,
и меч не дрогнул
в руке гаутского
кровоотмстителя.
2490 За все, что Хигелак
мне дал державный,
за все достояние,
дом и земли,
ему платил я

клинком, сверкавшим
в работе ратной:
ни витязей шведских,
ни датских всадников,
ни войска гепидского
к себе на выручку
не призывал он,
казны не тратил
на слабых ратников,
коль скоро я первым
вступал в сражения,
стяжая победы! —
и так да будет,
покуда жив я,
покуда мне верен
клинок испытанный,
не раз служивший
2500 моей отваге
с тех пор, как Дагхревна
убил я, и хугский
вождь не вернулся
к владельцу фризов

вместе с добычей,
с тем драгоценным
кольцом ошейным,
но пал на поле
знаменоситель,
дружинник храбрый,
сраженный не жалом, —
он так был стиснут
в моих объятьях,
что хрустнули кости.
И ныне да служат мне
меч и руки
в борьбе за сокровища!»

Слова последние,
клятву пред битвой
2510 измолвил Беовульф:
«Немало я с молодости
сеч перевидел,
и ныне снова,
защитник народа,
ищу я встретиться
с жизнекрушителем,

свершу возмездье,
коль скоро выползет
червь из пещеры!»
Так он прощался
с ратью доспешной,
державный воин
с верной дружиной:
«Я без оружия,
без меча остролезвого
пошел бы на недруга,
когда бы ведал
иное средство,
убив заклятого,
2520 обет исполнить,
как то было с Гренделем;
пламя опасно,
и, чтобы укрыться
от ядовитого огнедыхания,
нужны мне доспехи
и щит железный.
Не уступлю я
пламевержителю

в битве ни шагу! —
и да свершится
суд справедливый
Судьбы-владычицы! —
не похвальба спасет,
но храбросердие
в борьбе с крылатым!
А вы дожидайтесь
вблизи кургана,
мужи доспешные
того, победного,
2530 из двух соперников,
кто упасется
от раны смертельной;
не вам сражаться,
но я – единственный,
кому по силам
тягаться с гадом,
с поганым в битве
мериться мощью!
Возьму добычу,
богатства курганные,

либо гибель
в удел достанется
вашему конунгу!»

Встал щитоносец
в кольчуге, в шлеме,
воин гордый,
сил преисполненный
и добромужества,
путь свой направил
2540 к серым утесам, —
трус отступил бы! —
но вождь, победивший
во многих схватках,
где рати враждебные
сшибались с грохотом,
шел, и вскоре
увидел в скалах
жерло, откуда
потоком жарким
огонь изливался,
путь преграждая
в недра кургана:

никто не смог бы
пройти невредимым
в глубь подземелья,
проникнуть в пещеру
сквозь раскаленное
дыханье змея.
Тогда разъярился
2550 вождь ведеров:
вопль неистовый
из горла вырвался,
гневное слово
громом грянуло
среди утесов;
и распалился
ревнитель клада,
заслышав клич, —
не мольбу о мире,
но вызов на битву.
Сперва из пещеры
дыханье смрадное
червя курганного
взметнулось дымом —

скалы дрогнули.
Гаут державный,
щитом прикрывшись,
пред каменным устьем
стоял, покуда
2560 гад, извиваясь,
полз в потемках
к месту схватки;
и меч двуострый,
наследье древних,
сиял, подъятый,
в руках у конунга;
и оба сердца
равно кипели
и страхом и ненавистью.
Держа наготове
свой щит спасительный,
стоял незыблемо
войсководитель
в наряде ратном,
а змей тем временем,
свиваясь в кольца,

лез из пещеры
судьбе навстречу.
Казалось ратнику,
2570 что щит, защитник
души и тела,
не так надежен,
как то хотелось бы
герою, коль скоро
впервые в жизни
Судьба не хранит его
в единоборстве,
в победной битве.

Тогда на недруга
воитель гаутский
мечом обрушился,
искуснокованым
наследьем конунгов,
но вкось по кости
скользнуло железо,
клинок по черепу,
не так, как нацелился
высокородный;

удар неловкий
2580 лишь раззадорил
холмозащитника:
он пыхнул пламенем —
далеко хлынул
пар ядовитый.
Правитель ведеров
не мог похвастаться
удачей в стычке:
не лучшим образом
ему служило
лезвие славное.
Нелегкую долю
избрал достойнейший
сын Эггтеова,
решившийся биться
с драконом насмерть, —
и суждено ему
в край далекий
уйти, покинув
юдоль земную,
2590 как и всякому смертному!

И снова, не медля,
сошлись противники;
но страж подземелья,
приободрившись,
приподнял голову,
и стал, полыхая
дыханьем смрадным,
огневержитель
теснить героя;
и не нашлось
под рукой у конунга,
как должно в сражении,
благородного воинства —
но в дальнюю рощу
спаслась дружина,
рать укрылась.
Из них лишь единый
смутился в сердце —
ибо изменником
2600 стать не может
муж доброчестный!

То Виглаф был,
сородич Эльвхера,
сын Веохстана,
щитоноситель,
любимец Скильвингов.
Увидев на конунге
одежды битвы,
объятые пламенем,
он вспомнил, какими
его приветил
дарами владыка,
вернувший Вагмундингам
наследные земли
и власть над племенем
его родителю.
И поднял Виглаф
щит желто-липовый
и меч, наследье
2610 потомка Охтхере,
скитальца Эанмунда,

который был в битве
убит, бездомный,
в сраженье с Веохстаном,
взявшим в добычу
это оружие:
нагрудник кольчатый,
шлем железный
и меч отменный,
подарок Онелы,
издревнее лезвие, —
одежды битвы,
орудие сечи,
наряд воителя
(однако Онела
за смерть племянника
не мстил убийце);
тот меч хранился
и щит и кольчуга
2620 у Веохстана,
покуда не вырос
ему преемник,
дабы продолжить

славу отцовскую
среди гаутов, —
оставил старец,
покинув землю,
наследство сыну.
И вот впервые
воина юного
призвал державный
делить с дружиной
удары битвы:
был духом он крепок,
а меч наследный
остро наточен, —
и скоро на деле
дракон изведал
его могучесть!

Промолвил Виглаф
печальносердый,
уча соратников
дружинному долгу:
«То время я помню,
когда в застолье

над чашей меда
клялись мы честью
служить исправно
кольцедробителю,
нас одарившему
одеждой битвы,
мечами, кольчугами,
коли случится
нужда в подмоге!
Из многих воителей
себе в попутчики
избрал он лучших,
сильнейших героев —
копьеметателей,
2640 храбрейших кольчужников,
сочтя нас достойными
дела смелого,
хоть и замыслил
вождь дружинный
сам, в одиночку,
народоправитель,
свершить возмездие,

ибо не раз он
снискивал подвигами
славу всеземную!
Но так случилось,
что ныне нуждается
вождь в отваге
своих сподвижников,
в силе воинства! —
так не пора ли
и нам изведать
огненной пагубы!
Бог свидетель,
2650 уж лучше мне в пламени
навеки сгинуть,
владыку спасая,
чем ждать в укрытье!
Бесчестно было бы
нам, щитоносцам,
вспять обратиться,
не испытавши
врага железом,
не встав на сторону

правителя ведеров!
Не должным образом
вождю мы платим
за прежние милости,
коль скоро конунг,
покинутый гаутами,
гибнет в битве!
Да будет щит мой
и меч в сражении
ему подспорьем!»
2660 Туда поспешил он
сквозь чад ядовитый
к вождю на помощь
и так воскликнул:
«Бейся, о Беовульф,
рубись без страха,
как ты поклялся
в дни твоей молодости!
Да не померкнет
до смерти слава
и честь державная!
Ты, вождь всезнатный,

несокрушимый,
за жизнь сражайся
что силы достанет!
Я встану рядом!»

Тогда, услышав
тот клич героя,
огневержитель,
кипящий яростью,
2670 дохнул – и пламя
окутало воинов,
мужей доспешных:
ни сбруя кольчатая,
ни щит копьеносца
не защитили,
и сгинул бы юный,
сгорел бы витязь, —
но родича родич
державный, ратника,
чей щит обуглился,
укрыл железной
доской от пламени,
и, вспомнив о славе,

нацелил конунг
дракону в голову
удар сокрушительный.

Ярость умножила
силы мужа! —
но преломился
2680 каленый Нэглинг,
меч Беовульфа,
старинное лезвие:
была воителю
дана такая
мощь, что в сечах
ему и лучший меч
был несподручен,
и, как я слышал,
в руках ратоборца
любое лезвие,
железо остреное,
от мощных ударов
крошилось в сражении!
Тут, с третьего раза,
метнувшись на недруга,

червь огнедышащий,
бич смертных,
поверг на землю
вождя державного —
2690 клыки драконьи
вонзились острые,
ядоточащие
воителю в горло,
и кровь потоком
на грудь излилась!

37

Тогда, я слышал,
к нему на выручку
поспел дружинник:
он, знатный родом,
известный мужеством,
силой и ловкостью,
в руке опаленной
клинок сжимая,
уцелил не в голову
гаду, но ниже

вонзил оружие,
ужалил в горло
змея зломерзкого —
вошло железо
2700 в плоть огненосную,
сникло пламя,
дыханье драконье;
и тут же конунг,
едва очнувшись,
свой нож широкий,
владыка ведеров,
из ножен выхватил
и острым жалом
вспорол утробу
огневержителя, —
сдохло чудище.

Так рано поутру
два ратника-родича
убили змея, —
да будут примером
они для воинов! —
но стал последним

тот бой победный,
работа ратная,
2710 в жизни конунга:
набухли раны,
следы драконьих
клыков на шее,
горя, смердели,
и грудь покрылась
глубокими язвами —
яд змеиный
въедался в тело.
Вождь мудромыслый
под серыми скалами
сел на камень
вблизи кургана,
напротив жерла,
устья пещеры,
своды которой
на вековечных
столпах покоились.
Лицо владыки
и грудь водою

2720 дружинник добрый
омыл из пригоршней
от крови, пролитой
героем в битве,
и снял с воителя
бремя шлема.

Промолвил Беовульф,
превозмогающий
смертную муку
(ему осталось,
он чуял, мало
земного счастья;
силы иссякли;
пришли к пределу
дни его жизни,
и смерть приблизилась):
«Имей я сына,
ему я мог бы
оставить наследье,
мое оружие,
2730 наряд мой ратный,
тому, кто был бы

моим преемником!
Я пять десятков зим
хранил державу,
и не единый
из сопредельных
племеводителей
не смел потревожить
меня дружиной,
грозить мне набегом!
Я мирно властил
и ждал урочного
срока и жребия:
не жаждал распрей
и лживыми клятвами
не осквернялся,
чему сегодня,
смертельно раненный,
я радуюсь в сердце,
2740 ибо Создатель
не попрекнет меня
убийством родичей, —
так пусть же изыдет

душа из тела!
Спеши, о мой Виглаф,
сойди под землю,
в тайник курганный
под серыми скалами
(дракон, лишенный
своих сокровищ,
лежит, недвижный,
сраженный в сердце);
и я, увидев
казну издревнюю,
насытив зренье
игрой самоцветов
и блеском золота,
возлягу рядом
и без печали
2750 жизнь покину
и власть земную».
38
Немедля, – так слышал я, —
по слову конунга,
по воле правителя,

в бою израненного,
сын Веохстана
сошел в пещеру,
воин в кольчуге,
в рубахе сетчатой;
там, добродоблестный,
гордясь добычей,
увидел множество
колец, камений,
груды золота
и самоцветов,
сосуды дивные,
древние вещи,
вдоль стен стоявшие
в жилище змея,
2760 чудные чаши
(канули в вечность
их обладатели!),
и шлемы ржавые
времен прошедших,
кольчуги траченные,
и уборы истлевшие

(таким богатством,
в земле сокрытым,
такой добычей
мог бы гордиться
любой из смертных!);
и там же знамя,
стяг златотканый
на крепком древке
над россыпью золота
солнцегорящий,
искусно шитый
сиял, озаряя
чертог обширный,
2770 сокровищ вместилище,
жилище змея,
который сгинул,
мечом пораженный.
Тогда, – так я слышал, —
сложил дружинник
богатство курганное,
казну гигантов
в мешок, в кольчугу,

сосуды, чаши,
сколь мог осилить,
и взял слепящий
стяг светозарный,
поскольку Беовульф
ножом двуострым,
драконоборец,
сразил дозорного,
издревле стерегшего
холм сокровенный,
пламевержителя,
2780 во тьме полыхавшего
дыханием пагубным
над тем курганом, —
чудище сгинуло.
Вышел воин
с кладью бесценной
из подземелья,
страхом терзаемый,
тревогой в сердце:
застать успеет ли
в живых владыку,

правителя ведеров,
без сил лежавшего
вблизи пещеры.
Золотоноша
нашел воителя,
истекшего кровью,
вождя всезнатного,
почти что при смерти;
он долго витязя
2790 кропил водою,
покуда слово
из сердца воина
на волю не вырвалось;
и молвил Беовульф,
скорбный старец,
глядя на золото:
«Владыке Вселенной
хвала! – я вижу
эти сокровища
и славлю Господа,
Небоправителя,
в день мой последний

мне ниспославшего
победу в битве,
а эту добычу —
народу нашему!
В обмен на богатства
жизнь положил я —
теперь державу
2800 сами храните! —
мой срок истекает!
Повелеваю
вам, ратоборцы,
мой прах и пепел
укрыть в кургане,
в холме высоком,
близ моря насыпанном
на Мысе Китовом,
дабы отныне
то место звали
курганом Беовульфа
морескитальцы,
в ладьях плывущие
из дальних пределов

по темным водам».
Обруч ошейный
витого золота
вождь доброчестный
вручил воителю —
2810 кольцом и обручем,
кольчугой и шлемом
он юного мужа
благонапутствовал:
«Ты – единственный
мой наследник
из рода Вагмундингов,
чье семя сгинуло,
Судьбою похищено:
в час предначертанный
ушли знатнейшие —
и я за ними!»

С последним словом
угасло сердце
мудрого старца;
осталось тело,
костра пожива;

душа отправилась
искать награды
среди угодников.

39

2820 То было горем,
великой скорбью
воина юного:
он видел тело
вождя возлюбленного,
лишенное жизни;
но тут же, рядом,
его убийца
лежал бездыханный,
жизнекрушитель,
погибший в схватке,
змей зломерзкий,
страж, утративший
свои сокровища,
ибо железное
лезвие тяжким
ударом в сердце

вдруг оборвало
дни его жизни,
и грянул оземь
2830 холмохранитель
на склоне кургана;
не властен он больше
летать ночами,
червь огнекрылый,
гад, стерегший
свои богатства.
Дракон был повержен
рукою конунга,
клинком владыки,
каких воистину
среди сынов земли
вовеки не было,
хоть я и слышал
песнопреданья
о многих сильных
и стойких в битве,
но не посмел бы
из них ни единый

в огне сходиться
2840 с ядоточащим
червечудовищем,
стяжая богатство,
как сделал Беовульф,
смертью купивший
клад несметный,
в битве, где оба
противоборца
расстались с жизнью!

Тогда уж из лесу,
из рощи вышли
клятвопреступники, —
те десять бесславных,
бежавших в страхе,
копья в испуге
поднять не посмевших,
меча в защиту
ратеначальника, —
и вот, покрывшие
щиты позором,
2850 они приблизились

к одру героя,
глядя на Виглафа:
сидел скорбящий
над телом старца,
достойный копейщик
кропил водою
лицо владыки,
но бесполезно —
ничто не смогло бы
дружиноводителя
вернуть к жизни!
Господня воля
в веках непреложна,
Промысел Божий
искони правил
делами смертных, —
и ныне так же!

Суровой речью
их встретил воин,
2860 мужей трусливых,
бежавших от битвы;
на них, бесчестных,

глядя презрительно,
так молвил Виглаф,
сын Веохстана:
«Правдоречивый
сказал бы: воистину
вождь, наделивший
вас, нестоящих,
кольцами золота,
ратными сбруями
(ибо нередко
в застольях бражных
шлемы, кольчуги,
наряды сечи,
в дружинном зале
дарил державный
всем, приходившим
в его пределы), —
2870 зря отличил он
мечами острыми
вас, дрожащих
при виде недруга.
Не мог он похвастаться

вашей помощью
в сражении, конунг,
но, взысканный Богом
Победотворцем,
один сумел он
в неравной схватке
врага пересилить!
Я был невластен
спасти державца,
и уберечь его
надежды не было,
но, изловчившись,
помог я родичу:
мечом наудачу
ударил чудовище —
2880 оно ослабло,
и в горле смрадный
огонь пресекся.
Но слишком мало
было соратников
вокруг владыки! —
за то отныне

и вам не будет
даров сокровищных,
нарядов ратных,
ни радостей бражных;
и вы утратите,
землевладельцы,
наделы наследные,
когда услышат
дружиноводители
в краях сопредельных
о том, как в битве
вы обесславились!
Уж лучше воину
2890 уйти из жизни,
чем жить с позором!»

40

Тогда ко дворцу
он гонца с вестями
послал, в хоромы
над морем, где ждали
с утра старейшины,

сидели ратники,
гадая надвое:
то ли оплакивать
вождя погибшего,
то ли с победой
вернется конунг;
и не солгал им
печальный вестник
с холма приморского,
муж, прибежавший
с мыса курганного,
но правду измолвил,
сказал глашатай:
2900 «Возлег сегодня
на ложе смерти
владыка ведеров,
гаут всевластный,
уснул, убитый
в бою драконом!
А рядом с героем
жизнекрушитель
простерся мертвый,

ножом распоротый
(не меч, но двуострый
нож покончил
с червечудовищем).
Там же Виглаф,
сын Веохстана,
над Беовульфом,
живой дружинник
над павшим державцем,
страж печальный,
сидит, охраняя
2910 и друга и недруга!

Ждут нас войны
и кровомщение,
едва о смерти
правителя нашего
узнают фризы,
франки услышат.
Та распря вспыхнула,
когда на хугов
дружину Хигелак
и флот свой двинул

к пределам фризским,
где войско хетваров
с ним переведалось,
воинство сильное,
многомогучее, —
там был повержен
отважный в битве,
пал в сражении
вождь, не успевши
2920 воздать соратникам
за службу добычей;
возненавидели
нас меровинги.
Не жду я также
добра и мира
от племени шведов:
ведь всем известно,
как в Роще Вороньей
убил Онгентеов
Хадкюна Хредлинга.
Тогда впервые
гауты гордые

войнолюбивых
искали Скильвингов,
и встретил гаутов
родитель Охтхере,
старец державный:
свалivши Хадкюна —
вождя мореходов,
2930 из плена выручив
жену, чьи сокровища
враги похитили,
свою супругу,
ему родившую
Охтхере с Онелой,
он гнал дружинников,
лишившихся конунга,
и, встав на дороге,
рать бегущую
близ Леса Вороньего
настиг – и немногих,
там уцелевших,
усталых и раненых,
обставил воинством;

всю ночь он без устали
грозил злосчастным
страшными казнями:
одних он прикажет
зарезать поутру,
2940 других – повесить
на радость воронам
на древе смерти.
Но на рассвете,
когда уж воины
в спасенье изверились,
вдали запели
рога походные
дружины Хигелака —
явился верный
конунг с отрядом
на помощь родичам.

41

В битве кровавой
сшиблись рати —
гауты, шведы,

народ с народом,
смешались в сече
необозримой.
Тогда с дружиной
вождь сокрушенный,
2950 старец-воитель
бежал, спасаясь,
спешил укрыться
в стенах Онгентеов:
изведав могущество
и доблесть Хигелака,
дольше не мог он
борьбой испытывать
войско вражье,
и, не надеясь
от морескитальцев
спасти казну свою
и чад с супругой,
он под защиту
высокой насыпи
ушел в ограду;
но следом стяги

дружины Хигелака,
теснящей шведов,
по полю двинулись,
2960 рубились Хредлинги
на земляных валах,
покуда Онгентеов,
седобородый
народоправитель,
в смертельной схватке
не встретил лезвия
меча, несущего
гнев Эовора.
Сперва на владыку
напал Вульф Вонрединг,
ударил яростный —
и кровь державного
дружиноводителя
седины окрасила, —
но старый Скильвинг,
не устрашившийся,
врагу, как должно,
воздал, ответил

ударом тяжелым,
2970 взмахнул над недругом
клинком разящим
воитель-старец —
и не поспел герой,
потомок Вонреда,
щитом прикрыться,
как шлем крепчайший
расположинился,
и он, окровавленный,
пал на землю
(еще он не был
смертью отмечен,
но сильно раненный
боец был в ярости).
Тогда воитель
из рати Хигелака,
брата увидев,
к земле склонившегося,
мечом размахнулся
и кровлю шлема,
2980 щита ограду

рассек – тут конунг,
владычный старец,
дух испустил,
и осталось за ведерами,
судьбой хранимыми,
поле брани;
и подняли Вульфа
и раны родича
уврачевали.
Победный Эовор
с Онгентеова,
с вождя дружинник,
сорвал кольчугу,
убор властелина,
и шлем, и лезвие
меча с рукоятью
сложил пред конунгом,
за что герою
награду Хигелак
2990 сулил великую —
и выполнил слово:
за труд кровавый

правитель гаутов,
наследник Хределя,
домой возвратившись,
взыскал и Вульфа,
и Эовора
казною богатой —
было каждому
дано сто тысяч
землей и кольцами
(дары щедрейшие
за ратную службу!),
и дочь родную,
дома отраду,
в залог благосклонности
он отдал Эовору.
Вот корни распри
и ярости недругов
3000 и кровомщения!
Я знаю, скоро
нагрянут шведы
к нашим жилищам,
едва проведают

о том, что не стало
ратеначальника,
ревнителя наших
земель и золота,
вождя, охранявшего
и наше племя
и славных Скильдингов, —
кольцедробитель,
герой владычный
путь свой окончил.
Идите же к конунгу,
проститесь, дружинники,
с владыкой гаутов
и возложите
златодарителя
3010 на ложе пламени,
а с ним и сокровища —
не частью, но полностью —
в огне да сгинут
каменья и золото,
добыча, взятая
в последнем сражении

ценою жизни, —
так пусть же истлит
и казну и конунга
костер единый:
не должно героям
носить драгоценности
горестнопамятные,
да не украсит
и шею девичью
кольцо витое,
коль скоро пленная
жена за недругами
пойдет на чужбину, —
3020 в былое канули
с конунгом вместе
пиры и радости;
морозным утром,
в руках сжимая
копейные древки,
повстанут ратники,
но их разбудит
не арфа в чертоге,

а черный ворон,
орлу выхваляющийся
обильной трапезой,
ему уготованной,
и как он храбро
на пару с волком
трупы терзает!»

Так поведал
гонец доброчестный
скорбные вести,
и не солгал он
3030 ни в слове, ни в деле.
Встала дружина;
пошли воители,
слезами облившись,
к Орлиным Скалам
взглянуть на чудо:
там, на песке,
под закатным небом
владыка лежал
бездыханный, воин,
правивший ратью

долго и праведно,
щедрый на кольца,
а ныне похищенный
смертью в сражении,
державный ведер;
там же виднелось,
вблизи героя,
тело драконье,
плоть распростертая
3040 мертвого змея,
червя зломерзкого
труп, опаленный
пламедыханием
(туша твари
ступней в пятьдесят
была длиною);
в небо взвиваясь,
в ночи бесчинствовал
дракон, а утром
скрывался в пещере —
смерть разлучила
кладохранителя

с его владением:
кубки, чаши,
блюда лежали
рядом со стражем,
ржавые лезвия,
кольчуги истлевшие
(долго покоился
3050 клад, наследие
древнего племени,
в том подземелье,
тысячезимнее
златосокровище,
крепко заклятое,
дабы не смел
ни единый смертный
его коснуться, —
лишь Вождь Небесный,
Создатель, властен
открыть богатства
тому, кто взыскан
его благосклонностью,
милостью Божьей,

мужу достойному!)

42

Но стало ясно,
что не было счастья
владельцу богатства,
казны курганной,
3060 ибо и воин
погиб в сражении,
и страж сокровищ
не смог избегнуть
возмездия в битве.
Не знает смертный
урочного часа
своей кончины,
и все же уходит
он, обреченный,
из зала для пиршеств,
друзей покинув.
Так сделал Беовульф,
когда решился
на бой с драконом,

а сам и не ведал,
за что он в битве
заплатит жизнью:
тот клад до скончанья
веков заклятьем
3070 таким заречен был,
что станет смертный,
в грехах погрязнув,
молиться идолам
и, в цепи ада
попав, запятнает
себя пороками
еще допрежде,
чем ступит на это
место проклятое,
раньше, чем взглянет
на это золото!
Молвил Виглаф,
сын Веохстана:
«Порой погибает
один, но многих
та смерть печалит —

так и случилось!
Наших советов
не принял пастырь,
3080 мольбы не услышал
любимый конунг,
а мы ведь просили
не биться с огненным
холмохранителем —
пускай довека
змей дожидался бы
в своем подземелье
мирокрушения.
Но был вождь верен
высокому долгу —
стяжал сокровища,
и страшную цену
Судьба взыскала!
Я был в пещере,
мне посчастливилось
в тайник проникнуть
(трудна дорога,
тропа подземельная),

и я, увидев
3090 клад сокровенный,
нимало не медля,
выбрал из груды
бесценной утвари,
сколь мог осилить,
и возвратился
с тяжелой ношей
к правителю нашему.
Еще дышал он,
и в полной памяти,
вас перед смертью
благословляя,
он повелел вам
курган насыпать
над пеплом, воздвигнуть
холм во славу
его свершений!
Он был из смертных
всеземнознатных
вождем достойнейшим,
3100 докуда властвовал

казной и домом!
Теперь нам должно
вновь потревожить
тайник подземный,
в курган проникнув,
взглянуть на золото
(стезя мне знакома),
насытить зрение
сиянием клада,
игрой камений.
И пусть ко времени,
когда возвратимся мы,
тут будет ложе
готово для конунга,
одр погребальный,
дабы снесли мы
вождя могучего
туда, где пребудет он,
хранимый Богом».
3110 И повелел им
сын Веохстана,
гордый воитель

героям многим,
готовить для проводов
землевладыки
сруб костровый,
дрова и место
для погребения:
«Испепелится,
в огне исчезнет
муж храброчестный,
не раз видавший
дожди железные,
где стрелы, тучами
с тетив слетая,
в щиты вонзались,
где дрот остреный,
копье бодало
доспехи в битве!»

3120 Тут юный, но мудрый
сын Веохстана
верных из воинства
вызвал витязей
(семеро было

смелых ратников,
сам же – восьмой)
и повел их под своды
вражьего логова
(смолистый пламенник,
факел, высвечивал
тропу в потемках),
и там не делили
они добычу,
ибо знали,
кому достанется
все это золото,
клад бездозорный,
на разорение обреченный;
и, не печалясь
3130 о тех богатствах,
сокровища вынесли
прочь из пещеры.
Тогда же змея,
червечудовище,
с утеса кинули
в море – канул

дракон в пучине.
Кладь золотую,
витые кольца,
и старца-конунга
свезли на подводе
к месту сожжения
на Мысе Китовом.

43

Костер погребальный
воздвигли ведеры,
мужи дружинные,
украсив ложе
щитами, кольчугами,
как завещал им
3140 дружиноводитель
еще при жизни, —
там возложили
на одр возвышенный
скорбные слуги
старца-конунга;
и скоро на скалах

вскипело пламя,
ратью раздутое;
черный взметнулся
дым под небо;
стонам пожара
вторили плачи
(ветра не было);
кости распались,
истлились мышцы,
сгорело сердце.
Герои-сородичи
горе оплакивали,
гибель конунга,
3150 и некая старица
там причитала,
простоволосая
выла над Беовульфом,
плакала старая
и погребальную
песню пела
о том, что страшное
время близится —

смерть, грабежи
и битвы бесславные.
Дым от кострища
растаял в небе;
десять дней
насыпали гауты
курган высокий
над прахом владыки,
бугор могильный,
заметный издали,
мореходцам
3160 знак путеводный.
Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные.
Захоронили
в холме сокровища,
добычу битвы,
витые кольца,
и все, что было

в пещере драконьей, —
вернулось в землю
наследие древних,
и будет золото
лежать под спудом
вовек, как и прежде,
от смертных скрытое.

Вождю воздали
последнюю почесть
3170 двенадцать всадников
высокородных, —
объехав стены
с обрядным пением,
они простились
с умершим конунгом,
восславив подвиги
и мощь державца
и мудромыслие, —
так подобает
людям, любившим
вождя при жизни,
хвалить, как прежде,

и чтить правителя,
когда он покинул
юдоль земную!
Так поминали
гауты мертвого,
навек ушедшего
ратеначальника,
3180 провозглашая:
среди владык земных
он был щедрейший,
любил народ свой
и жаждал славы
всевековечной!

Примечания

Единственная дошедшая до наших дней рукопись «Беовульфа», датируемая концом X в., входит в так называемое Коттонское собрание и хранится сейчас в Британском музее. Текст был записан благодаря счастливому стечению обстоятельств. Англию христианизовали с двух сторон: с севера (ирландцы) и с юга (миссия папы Григория). Южная миссия шла от католиков и не потерпела бы траты пергамента на языческие стихи даже в христианской оправе. Но ирландское христианство само представляло собой смесь новой веры с язычеством, и германские обычаи были близки ему. Неудивительно, что чуть ли не вся поэзия создавалась на севере и только переписывалась у саксов. Папская миссия потерпела неудачу, и в Англии не было такого уничтожения старых текстов, как в ряде других стран. В более поздние века поэму спас сказочный сюжет: она уцелела среди прочих текстов о «деяниях чудовищ». В 1731 г. рукопись пострадала от пожара, а главное — от его последствий: из-за того, что вовремя не были приняты меры по

спасению пергамента, обуглившиеся края листов продолжали осыпаться. Текст поэмы разделен на 44 главы. Иногда новая глава начинается внутри сложного предложения (эта особенность подлинника обычно не сохраняется в переводах). Сам заголовок поэмы добавлен современными издателями.

В 1786–1787 гг. исландец Торкелин (Grímur Jónsson Thorkelin) был в Англии и сделал два списка с поэмы (один сам, а другой заказал неизвестному копиисту). В то время на краях можно было прочесть гораздо больше, чем сейчас. Он же был первым издателем текста (1815 г.). С тех пор «Беовульф» издавался около двадцати раз целиком (не считая переизданий) и примерно столько же раз переводился на английский. Поэма переводилась также на немецкий (десять раз), датский, французский, итальянский (трижды), шведский, норвежский (лансмол) и голландский (по одному разу). Кроме того, Торкелин перевел весь текст на латынь. Поэму переводили дословно и с попыткой воспроизвести атмосферу подлинника, ритмом оригинала, пятистопным ямбом, размером баллад, нибелунговой строфой и свободным стихом, с аллитерацией и без нее, с огромным количеством архаизмов и простым

языком. Даже прозаические переводы заметно отличаются друг от друга по манере изложения и характеру стилизации.

Публикуемый ниже текст — первый перевод «Беовульфа» на русский язык. Как уже частично говорилось во вступительной статье (стр. 13), точное воспроизведение поэтических особенностей «Беовульфа» и «Эдды» противоречило бы нормам современной поэтики. Главная из этих особенностей — аллитерация. В каждом полустихе было не меньше одного слова, начинавшегося на тот же согласный, что и в соседнем. Кроме того, все гласные аллитерировали между собой. Ударение в древнеанглийском и древнеисландском чаще всего падало на первый слог корня, и на полустих приходилось по два слога с акцентом. Они отбивали такт, как метроном, а неударные слоги (сколько бы их ни было) проговаривались за примерно одинаковые интервалы времени: быстро, если их было много, и медленно, если их было мало. В таких условиях начало ударного слога было самым важным участком слова, аллитерация подчеркивала именно эти функционально значимые точки стиха. Легко видеть, что аллитерационный стих был хорошо приспособлен для фонетических особенностей этих языков. Ритм

«Беовульфа» основывается на чередовании долгих и кратких слогов, но зависит и от количества слогов в полустихе, хотя регулярный дольник отсутствует. Существовал ряд метрических типов, которыми автор «Беовульфа» пользуется с большим искусством. Но русскому (так же как и современному английскому и немецкому) читателю древнеанглийские стихи кажутся прозой. Аллитерация для него не более чем второстепенное украшение текста, подобно тому как для древнеанглийского поэта была рифма. Рифма внутри строки в сочетаниях типа «гол как сокол» встречалась не так уж редко, но была дополнительной, несущественной частью стиха. С другой стороны, поэты той поры почти никогда не рассматривали аллитерацию как стилистическое средство. Лишь в нескольких случаях две длинные строки подряд имели одинаковую (сквозную) аллитерацию, и можно предположить, что это не небрежность, а особый прием. В «Беовульфе» есть и другие приемы подобного рода: ассонансы, игра слов. Так, мрачный каламбур проходит через все описание Гренделя: по-древнеанглийски «гость» и «дух» звучали похоже, а Грендель часто называется злым и проклятым духом, но он же и незваный гость. Однако главное в звуковой

ткани «Беовульфа» — это смена метрических типов и неумолкающая аллитерация. Переводчик «Беовульфа» сохранил аллитерацию (хотя не всегда на первом слоге), но он не мог сохранить ее древней функции, поэтому читатель в большинстве случаев даже не услышит созвучий типа «призВАл ДерЖавный Делить с ДруЖиной уДары сраЖений», «сЛуЖили им ЛоЖами»… и пр. Кроме того, в переводе аллитерируют не только первые согласные и не только начала ударных слогов. Строки в «Беовульфе» длинны и конец строки часто не совпадает с концом предложения; полустих же краток и динамичен. Исландцы, которые понимают свои древние памятники без перевода и, следовательно, из всех германских народов слышат их лучше, чем кто бы то ни было, печатают «Старшую Эдду» только полустроками. Так же поступил в свое время с «Беовульфом» один из первых его издателей Торп (B. Thorpe). Изданный полустихами, русский перевод позволяет воспринять текст «Беовульфа» как поэтический.

Современный читатель напрасно стал бы искать в «Беовульфе» привычные ему приемы: в поэме мало сравнений, эпитеты довольно условны, а метафор нет вовсе. У англосаксонского поэта были совсем иные средства воздействия на

слушателей. О некоторых из них будет сказано в примечаниях к отдельным строчкам. Но с самого начала следует обратить внимание на то, что в «Беовульфе» масса необиходных поэтических слов и поражающее обилие синонимов, особенно для понятий, связанных с княжеской властью, мореходством и войной. В русском тексте эта черта древнеанглийского поэтического стиля частично сохранена.

В англосаксонской поэме X века многое непривычно для нас. Отсутствуют знакомые приемы обозначения одновременности событий (см. прим. к ст. 917); основной сюжет все время прерывается отступлениями, и эти отступления сами составляют свой собственный сюжет, в котором есть и план, и система, хотя ни то, ни другое не видно при первом чтении; оба сюжета взаимодействуют по своим, не всегда очевидным для нас правилам; многие события рассказаны не подряд; все время встречаются намеки на людей и сраженья, о которых уже, по крайней мере, тысячу лет никто ничего не помнит, а персонажи поэмы зашифрованы малопонятными нам кеннингами (Хигелак — наследник Свертинга, а королева Хюгд — дочь Хереда, но о Свертинге и Хереде мы только и узнаем из этих кеннингов). Тролли и

драконы для нас — существа из мифов, а для людей того времени они были совершенно реальны. Исследователи «Беовульфа», т. е. многие поколения лингвистов, литературоведов, историков, археологов, толковали сложные места в поэме, описывали ее ритм, выясняли истоки древнеанглийского эпоса, его связи с мифом, легендой и историей, разыскивали параллели с Библией, со скандинавской и ирландской традициями, обнаруживали влияние Гомера, латинских авторов и отцов церкви, устанавливали точный возраст поэмы и ее отношение к другим памятникам древнеанглийской литературы. Из «Беовульфа» узнавали об этике и этикете германцев, об их религии, времяпрепровождении и быте. Текст «Беовульфа» служил неисчерпаемым источником самых разнообразных сведений. И лишь сравнительно недавно к специалистам пришло откровение, что перед ними не литературное ископаемое, а прекрасные стихи. Тогда и появились обстоятельные работы о стиле поэмы и о секрете ее художественного воздействия. Последние пятнадцать лет явились свидетелями нового расцвета беовульфоведения. После того как была обнародована теория двух американских фольклористов Пэрри и Лорда (M. Parry, A. B. Lord),

многие исследователи стали искать формульную основу и тематический каркас поэмы, т. е. те готовые части, которые всегда использует сказитель эпоса. М. Пэрри, специалист по древнегреческому эпосу, изучал творчество сказителей на Балканах и пришел к выводу, что текст героических поэм не выучивается певцом наизусть, а импровизируется, но импровизируется по определенным правилам: певец без перерыва комбинирует словесные формулы и все время использует традиционные темы, т. е. привычные для этого жанра группы идей (приезд героя, отъезд героя, прибытие посла и т. п.). Пэрри погиб молодым от несчастного случая, и его теория приобрела особенно широкую известность после выхода книги А.-Б. Лорда «Певец-сказитель» (A. B. Lord «Singer of Tales»). Эта теория применялась и к изучению «Беовульфа». Цель исследований состояла в том, чтобы установить, был ли «Беовульф» продуктом импровизации или произведением, сочиненным так, как сочиняются поэмы и романы в наши дни. Формульно-тематическая основа «Беовульфа» (угадывавшаяся многими и раньше) была убедительно вскрыта в работах фольклористов и не вызывает сейчас никаких сомнений, но отсюда ничего не следует относительно истории возник-

новения англосаксонского эпоса, поскольку в ту эпоху и сказители, и профессиональные поэты, т. е. люди, вполне осознававшие себя авторами своих стихов, пользовались одной и той же манерой повествования. Школе Пэрри — Лорда противостоит в английской филологии другая, утверждающая, что «Беовульф» имел определенного автора, знавшего и языческие сказания, и латинские стихи, и отцов церкви. Интерес сосредоточился теперь на личности поэта: был ли он неграмотным певцом или образованным человеком (монахом?), начитанным в церковной и светской литературе, и правомерна ли такая постановка вопроса в эпоху, когда от устного творчества переходят к письменной литературе; совместимы ли импровизация и высокое художественное мастерство; импровизировал ли он свои стихи или записал готовый текст. Во многом по-новому стали изучать аудиторию поэта. Англосаксы VII–VIII вв. образовывали военно-аристократическое общество, сочетавшее варварство с глубоким интересом к литературе, а Нортумбрия (королевство на севере Англии) была главным центром европейской культуры того времени. Но важно было сузить понятие «аудитория», чтобы лучше понять замысел по-

эта. О «Беовульфе» написано так необозримо много, что каждая строчка в нем может стать поводом для разностороннего обсуждения. В несравненном по глубине анализа издании Клэбера («Beowulf and The Fight at Finnsburg». Edited, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber. Third edition with first and second supplements. D. C Heath and Company. Lexington, Massachusetts, 1950) текст «Беовульфа» занимает неполных 120 страниц, а предисловие и комментарии (не считая словаря и цитат из разных источников) — почти 300 страниц петитом, притом что большинство сведений в них все же дано намеком (ссылкой на библиографию). В издании Добби («Beowulf and Judith». Edited by E. van K. Dobbie. New York, Columbia University Press, 1953; «The Anglo-Saxon Poetic Records», IV), где рассматриваются только лингвистические вопросы, на 98 страниц текста 170 страниц комментариев (петитом), а в библиографии 600 названий. Комментарий, помещенный ниже, несравненно более скромен и преследует только две цели: разъяснить исторические намеки и кеннинги и обратить внимание читателя на систему художественных средств поэмы. Хотя исторические выкладки помогают разобраться в хитросплете-

нии войн и династических конфликтов, к ним надо относиться с большой осторожностью: во-первых, в науке нет общепринятого мнения по рассматриваемым вопросам, во-вторых, мы не знаем, было ли у древнего поэта ясное представление о тех событиях, последовательность и взаимозависимость которых с таким трудом восстанавливают современные ученые.

2. … *о доблести данов*, о конунгах датских… — Первая часть поэмы посвящена событиям во владениях датского короля — конунга — Хродгара.

7. Найденыш — Скильд Скевинг, известный как легендарный основатель датского королевского рода. Интересно, что среди данов Скевинг появился как бездомный ребенок. Обстоятельства его ухода неизвестны так же, как и появления.

10. Дорогой китов — Т. е. по морю (или по океану). Пример кеннинга — традиционного для древнегерманского эпоса иносказания.

12. Добрый был конунг. — Характерная для «Беовульфа» дидактическая концовка.

16. В век безначалия. — Известно, что древние германцы входили в дружины. Оставшись без покровительства со стороны князя, дан сталкивался с немалыми трудностями.

18. Беовульф. — Имеется в виду не главный герой поэмы, а сын ранее упомянутого Скильда Скевинга.

32 след. Челн крутогрудый вождя дожидался… — Ранее считалось, что это поэтическая аллегория, однако после раскопок подтвердилось — подобная ритуальная практика не вымысел.

56. Хальфдан, или «полудан». Мать Хальфдана была дочерью шведского короля, соответственно, герой был даном не наполовину, а на три четверти.

79. Хеорот, или «олень». Подразумевается, что зал был украшен оленьими рогами. Олень был символом королевской власти, а прежде — особое религиозное значение.

81 след. Дом возвышался… недолговечный… — Имеется в виду сожжение Хеорота (в самой поэме описание события отсутствует).

90 след. … *преда*нье // повел от начала, от миротворенъя… — Известно, что в том виде, в каком поэма дошла до нас, она переполнена христианской фразеологией, несмотря на то, что события описываемые в поэме относятся ко времени повсеместного язычества.

107. Не рад был Каин… — Грендель — великан. Как и все великаны, он считается потомком

Каина.

128. *… был после пиршества плач великий* — Распространенная метафора, суть которой заключается в отношении к жизни как к пиру. Наступающая после жизни смерть, соответственно, неизбежная плата за пиршество.

130. Муж безупречный — т. е. Хродгар.

147. Двенадцать зим. — Известно, что древние германцы мерили время не летами, а зимами. Здесь, как и в большинстве мест в поэме, выбранное число совершенно условное.

157. *… цену крови платить и не думает…* — Грендель совершает убийства безнаказанно, несмотря на то, что по обычаям древних германцев, искупить убийство можно было вергельдом, то есть заплатив денежный штраф.

168 след. *… только места высокого… трона кольцедарителя.* — Возможно, речь идет не о троне конунга, а о престоле Господнем: Гренделю не была дарована Божья милость. Также возможно, что, проводя ночи в зале, он не приближался к трону — не стал равным воинам Хродгара. Или же Хродгар сам избегал трона (см. следующее примечание).

175 след. *… молились идолам… не чтили Всевышнего.* — Это место выглядит противоречивым:

ранее автор сообщил, что даны — христиане. Сам Грендель представлен как порождение дьявола, т. е. враг Божий. Однако в этих строках речь идет об идолопоклонстве, что противоречит предыдущему.

200. Лебединая дорога. — то же, что и «дорога китов» (ст. 10).

218. … *с попутным ветром, скользя, как птица*… — Имеется в виду движение на парусном судне.

248 след. И я ни в жизни // не видел витязя… — Среди воинов Беовульф был сразу отмечен стражем.

260. … *раскрыл сокровищницу слов благородных*… — Буквально «заговорил».

264. Отец мой, Эггтеов. — Беовульф называет не собственное имя, а имена князя и отца.

305. Вепри-хранители. — Древние скандинавы считали вепря священным животным.

321. На пестрые плиты… — Имеется в виду, что дороги были выложены по римскому образцу.

339. … *не ради прибежища, как изгнанники*… — Известно, что древних германцев нередко изгоняли за преступления.

344. … *я, воин Беовульф*… — Первое упоминание имени главного героя.

349. Вождь венделов. — Вряд ли венделы — это иное название вандалов. Скорее всего, Вульфгар происходил из шведского Венделя (Уппланд) или датского Вендиля (Северная Ютландия); вероятнее — из Уппланда. По одной из версий, в шведских междоусобицах участвовали две партии: продатская (Онела, зять Хальфдана) и прошведская, и венделы поддерживали первую. Это может объяснять, почему у Хродгара столь важный пост занимал не дан.

376. Хредель — основатель гаутской династии, отец трех сыновей (в том числе Хигелака) и дочери, ставшей впоследствии женой Эггтеова. Беовульф — внук Хределя, племянник Хигелака и сын Эггтеова.

398 след. *… а ваше оружие покуда оставьте…* — С оружием входить к князю было запрещено.

406. *… кольчуга искрилась…* сплетенная в кузнице. — Поэма наполнена множеством восторженных описаний металлических изделий.

455. Вилунд (в «Старшей Эдде» Велунд) — Легендарный кузнец, известный всем древним германцам. Своего рода вариант Гефеста из греко-римской мифологии.

460. Хадолаф. — Единственное упоминание в тексте поэмы.

470. … *да умер Херогар прежде времени!* — У Хальфдана (ст. 60–61) было трое сыновей: Херогар, Хродгар, Хальга, и дочь. Власть после отца перешла к старшему — Херогару, но он, по словам Хродгара, умер рано. Трон перешел ко второму брату, хотя у Херогара уже был сын — Хероварда (ст. 2162). Почему его миновали при наследовании — неизвестно. Вероятно, он был слишком юн.

471 след. … *я же немедля в оплату крови…* — Хродгар выплатил вергельд за Хадолафа, искупив тем самым вину Эггтеова. В своей речи он деликатно напоминает Беовульфу: хоть он и просит помощи, подвиг героя — это плата за старый долг его отца.

500 след. Унферт — фигура неоднозначная. Смелый, но завистливый, он знает о событиях за пределами Дании (он один слышал о поединке Беовульфа с Брекой). Его должность неясна — то ли советник, то ли поэт, но он занимает почетное место. Несмотря на то, что он убил родных братьев (ст. 589–590), его не изгнали. Он встречает спасителя данов колкими словами, и никто его не останавливает. Однако с художественной точки зрения эпизод важен: он помогает раскрыть силу Беовульфа и укрепить веру в его победу (см. ст.

1807, 1456 и соответствующие примечания).

546. Пятеро суток. — Унферт говорит «семеро суток» (ст. 517).

574 след. Судьба от смерти // того спасает, кто сам бесстрашен. — Известнейшие строчки поэмы. Древние германцы постоянно говорили об обреченных на смерть: им никто и ничто не может помочь, так как сама Судьба оставила на них свою печать. Другие же, если готовы постоять за себя, могут избежать смерти.

583. К финским скалам. — В оригинале говорится о «земле финнов», но при движении на север от Гаутланда (будь то Вестеръетланд или Северная Ютландия) достичь финского берега Балтики невозможно. Вероятно, «финны» — это жители Финнхедена на юге Швеции или, менее вероятно, саамы из Финнмаркена на крайнем севере Норвегии.

614. Вальхтеов. — Первая часть ее имени означает «кельт», что указывает на происхождение жены Хродгара.

617. … *вождю наследному* — т. е. Хродгару.

656. Кроме тебя, никому… — т. е. «никому из иноземцев».

661. … *и добудешь награду*… — Награда от щедрого князя вдохновляла воинов. Интересно, что

Беовульф приезжает к вождю не за золотом, но не забывает, что будет награжден за свой труд.

678 след. — Речь Беовульфа — часть боевого ритуала: перед боем воины бросали друг другу вызов хвастливой речью. Необычно, что речь произнесена до появления Гренделя.

700 след. — В «Беовульфе» нередко заранее раскрывается исход событий. Слушатели знали сюжет и интересовались не столько интригой, сколько знакомыми героями, жизненными ситуациями и искусством повествования.

704. … *воины спали…* — На фоне спящих воинов Беовульф выглядит особенно героически.

721. Шел ратобитец // злосчастный к смерти. — В третий раз упоминается, что Грендель направляется в Хеорот, что усиливает напряжение и создает ощущение неминуемой схватки. Хотя бой с ним оказался для Беовульфа не самым трудным (куда тяжелее были битвы с его матерью и драконом), поэт умело нагнетает атмосферу ужаса, скрывая легкость победы. Пышный пир после битвы подчеркивает ее значимость: это — вершина жизни героя, его последний бой, где он еще чувствует силу. Грендель назван «злосчастным» не случайно — он обречен, одинок и вызывает у сказителя оттенок сочувствия, как

изгнанник, обреченный на погибель.

741. … *тут же воина…* — Имеется в виду воин Хандскио (Рукавица).

778. … *об этом люди мне рассказали…* — Древнегерманский эпос имел огромное значение. Подразумевается, что Беовульф получил информацию из песен.

785. Северных данов. — В поэме скильдинги именуются по разным сторонам света (северные, южные и т. д.).

805 след. … *он от железных мечей, от копий // заговорен был…* — Беовульф вступил в бой с Гренделем без оружия (ст. 678 след.), не зная, что меч все равно оказался бы бесполезен. Он предпочитал рукопашную схватку что, как отмечают фольклористы, восходит к древней сказке о медведе — животном, душащем врагов. Имя Беовульфа можно толковать как «волк пчел», то есть кеннинг для медведя. Отказ от оружия раскрывает непростой характер героя.

857 след. … *они в*озглашали: да славится Беовульф. — Это первое прославление героя, предшествующее официальному пиру. Слова о его достоинстве быть старшим звучат как пророчество — Беовульф действительно станет правителем. Поэт, впрочем, не противопоставля-

ет его Хродгару, подчеркивая и заслуги мудрого конунга, чья похвала звучит уместно при любых обстоятельствах.

875 след. *… все, что слышал о подвигах Сигмунда… а драконова плоть сгибла в пламени.* — В этом отрывке вспоминается подвиг Сигмунда — героя древнескандинавских преданий, известного как Вельсунг, потомок короля Вельса. В «Саге о Вельсунгах» он — брат Сигни, выданной замуж за гаутского короля Сиггейра. Тот предательски уничтожает семью Сигмунда, и только он один спасается. Сигмунд и Сигни начинают готовиться к мести. Ради этой цели Сигни, не найдя в своих сыновьях достаточной решимости, решается на инцест: в образе ведьмы она зачинает от брата сына — Синфьетли. Он вырастает с отцом в лесу, и вместе они сжигают дворец Сиггейра. В поэме «Беовульф» имя Синфьетли передается как Фителa, и он представлен не сыном, а племянником Сигмунда. Что касается дракона, в «Беовульфе» победа над ним приписывается Сигмунду, тогда как в северной традиции это подвиг его сына — знаменитого Сигурда, героя «Старшей Эдды» и «Песни о нибелунгах». Там Сигурд убивает Фафнира, но не на скале, а в яме, и дракон не погибает в огне, как в поэме.

902. *… и подпал под власть адской силы…* — Одно из темных мест в тексте поэмы: возможно, имеется в виду, что Херемод погиб; другая интерпретация подразумевает, что Херемод бежал от собственного народ к ютам, и убит был позже.

838: «Наутро толпами…» и т. д. Типичная черта древнего стиля: два одновременных события описаны так, как если бы они шли одно за другим, и нет никакого приема, подчеркивающего, что между ними нет интервала.

958. *… мы были рады…* — Беовульф говорит о своем отряде.

980. Сын Эгглафа — т. е. Унферт (ср. ст. 1456).

1018. Хродульф — племянник Хродгара. Он был широко известен в Скандинавии как Хрольф Краки (Жердинка), и именно он, а не Хродгар славился там блестящим двором и подвигами. Хродульф, как следует из скандинавских источников, был сыном младшего брата Хродгара Хальги (см. ст. 60), рано осиротел, и Хродгар с Вальхтеов заменили ему родителей. В те годы, которые описаны в первой части «Беовульфа», Хродгар и Хродульф почти на равных делят королевскую власть. Но поэт несколько раз намекает на предстоящие распри среди Скильдингов. Действительно ли, как принято думать, Хродульф

впоследствии попытался захватить единоличную власть и отплатить злом за добро, неясно. Во всяком случае, этот вывод не следует с очевидностью из текста поэмы (ср. примечания к ст. 1181, 1228, 2166 след.).

1039. Сын Хальфдана — т. е. Хродгар.

1043. Защитник Ингвинов. — Один из кеннингов для Хродгара.

1053 след. *… и цену крови… покрыл вождь золотом.* — Хродгар платит вергельд за гибель Хандскио.

1069 след. Одно из самых загадочных и насыщенных событий в «Беовульфе», сочетающее фрагментарность, эпическую мощь и историко-мифологический пласт, уходящий корнями в предания англосаксонской и скандинавской традиции. Песня, которую исполняет скальд, известна в науке как Финнсбургский эпизод. Ее границы в тексте расплывчаты: из-за отсутствия знаков препинания начало можно отнести как к ст. 1069, так и выше — к ст. 1063. Кроме того, существует Финнсбургский фрагмент — отдельное поэтическое произведение объемом 48 строк, дошедшее до нас в виде обрывка (без начала и конца). Он рассказывает, как группа данов во главе с королем Хнафом подвергается ночному

нападению во фризской крепости.

1071. Воистину, Хильдебург тогда не радовалась // ни доблести фризов, ни мощи данов… — Классическая для древнегерманского эпоса литота (т. е. преуменьшение): так Хильдебург не просто не радовалась, но оплакивала погибшего сына и брата.

1073. Брат ее — т. е. Хнаф.

1089. Наследник Фольквальда — т. е. Финн (Фольквальд — его отец).

1103. *… жить под убийцей кольцедарителя…* — Такое положение нарушало нормы древнегерманской этики и было особенно тяжело для выживших.

1107 след. И тогда на костер // золотые сокровища вместе с воином были возложены… — Одна из похоронных практик у древних германцев.

1117 след. *… погребальный плач // затянула она…* — Часть похоронного ритуала.

1142. Хунлафинг. — Значение слова неясно. Это может быть либо потомок Хунлафа (по аналогии со Скильдингами), либо имя меча. Не исключено также, что это два слова: имя и название оружия. Кто вручил меч Хенгесту — остается неизвестно.

1181 след. А добрый мой Хродульф поддержит славу // юной дружины… — Речь идет о возмож-

ном покровительстве племянника после смерти Хродгара. Хотя прямая измена Хродульфа в поэме не подтверждается (см. ст. 1018), тревога Вальхтеов и ее льстивые слова намекают на сомнения. Радость от обещания Беовульфа защищать ее сыновей выглядит более чем оправданной.

1198 след. *… кроме Хамы… с ожерельем Брисинга…* — Сюжет, хорошо известный древним слушателям, сейчас почти утрачен. Эорменрик — легендарный король остготов (в скандинавской традиции — ермунрекк). Хама упоминается и в других источниках, но его история неясна; по-видимому, он похитил ожерелье у своего правителя.

1201. *… под руку Предвечного.* — Возможны две интерпретации: погибель или принятие христианства и, соответственно, уход в монастырь.

1202. Внук Свертинга — т. е. Хигелак (Свертинг — его дед или дядя).

1204 след. *… в последней битве… смерть похитила.* — Речь идет о реальном историческом событии: около 521 года Хигелак (Хогилайкус) вторгся во владения западных фризов, прошел вверх по Рейну до хаттуариев, победил их, но на обратном пути погиб в бою, а его флот был уничтожен. Что касается ожерелья, по ст. 2172

Беовульф дарит его Хюгд, жене Хигелака — возможно, она позже отдала его мужу, а возможно, между упоминаниями просто нет связи, как это бывает в больших эпосах.

1212. Слабейших. — Речь идет о низкой боеспособности вражеского войска.

1228 след. Конунгу предан… мне повинуются! — Если Вальхтеов предчувствует будущие смуты и именно поэтому просит Беовульфа защитить ее сыновей, то ее слова звучат с горькой иронией.

1239 след. Служили им ложами и подголовьями // скамьи дощатые… — После уничтожения Гренделя воины вновь ложатся спать в Хеороте.

1240 след. Роком отмечен // был между ними один брагопийца… — Имеется в виду любимец Хродгара Эскхере. Он погибнет ночью в тот момент, когда в зал явится мать погибшего Гренделя.

1283 след. … *не так ведь могуча // жена в сражении…* — Вопреки традиционным представлениям о том, что женщина не может быть хорошим воином, в подлиннике поэмы четко читается, что Беовульфу было непросто одолеть мать Гренделя.

1299 след. Тем временем Беовульф // спал после праздника… гаут всеславный. — Важный для

древнегерманского фольклора прием: в момент появления вражеской силы герой отсутствует.

1323. *… мертв Эскхере…* — Как и в эпизоде с Хандскио, о смерти Эскхере узнается в последний момент.

1384 след. *… должно // мстить за друзей, а не плакать бесплодно.* — Один из фундаментальных принципов древнегерманской этики.

1432 след. Следует отметить, что для Беовульфа убийство тритона не подвиг. Это мог сделать любой воин. Его основные враги — грандиозные существа, чудовища, связанные со вселенским злом.

1456 след. Унферт вручает Беовульфу свой меч Хрунтинг. Однако автор подчеркивает, что самому Унферту не суждено прославиться в бою (см. 1469 след.), а меч в решающий момент подведет (см. также прим. к ст. 500 и 1807).

1516. *… при свете огня, в сиянье // лучистого пламени…* — Свет в недрах земли или под водой — частый фольклорный мотив. В устной поэзии, к которой принадлежит «Беовульф», использовались повторяющиеся тематические блоки. Появление света — один из сигналов завершения рассказываемого эпизода.

1522. Луч сражений — кеннинг для меча.

1569. … *герой возрадовался!* — Следует отметить, что эта победа Беовульфа отличается от предыдущих: лишь меч помог ему одолеть врага, а не собственная сила и способности.

1692. Род гигантов. — Считается, что гиганты, как и другие чудовища, были истреблены во время потока.

1694. … *и сияли на золо*те руны ясные… — Руническое письмо — первая известная германская письменность. Его знаки, состоящие из вертикальных и диагональных линий, вырезались на дереве, камне, металле. Изначально руны служили не только письмом, но и магическим средством. Скандинавы оставили много рунических надписей, англосаксы — гораздо меньше. На рукояти меча, который Беовульф поднял со дна моря, были изображены библейские сцены и руническая надпись.

1743. Губитель — Имеется в виду дьявол.

1769. Пять десятков зим. — Хродгар в поэме представлен как седовласый и мудрый старец. Однако у него — двое малых детей, и нет упоминаний о более ранних браках, что делает его возраст скорее художественным условием.

1788. … *лучше прежней была изобильная трапеза…* — Эта краткая фраза исчерпывает описание

второго пира. Повторение речей и застольных бесед было бы здесь неуместным. Беовульф сделал все, что ему было предназначено сделать у данов, и эпизоды, следующие за напутственной проповедью Хродгара (кроме подношения даров), приведены больше ради цельности композиции, чем по внутренней необходимости. Само собой разумеется, что сцена основного пира не могла быть перенесена сюда, поскольку после расправы над Гренделем нельзя было предвидеть, что самое худшее еще впереди.

1801. Ворон. — Наряду с волком классические для древнегерманского эпоса персонажи. Использовались для создания мрачной атмосферы.

1830. Хигелак, // хоть и молод… — По всей видимости, молодой возраст Хигелака тоже литературная условность.

1832. *… он поможет мне словом и делом…* — Беовульф настолько близок к Хигелаку (своему дяде), что говорит от его имени без колебаний. Следует отметить параллелизм: их союз столь же крепок, как у Хродгара и Хродульфа, которые правят данами (Хигелак с Беовульфом же правят гаутами).

1836. Хредрик — старший сын Хродгара.

1852. *… лишь бы сам ты // престол не отри-*

нул! — Беовульф действительно переживет Хигелака, но от короны откажется. Намек на будущие события — классический прием для древнегерманского эпоса.

1931 след. Рассказ об Оффе и его жене был хорошо известен как в Англии, так и в Скандинавии, но версии расходились. Судя по всему, скандинавская версия сохраняла более ранний и аутентичный облик предания, тогда как англ-ская — более трансформировалась под влиянием локальной политики и культуры. В контексте «Беовульфа» особенно любопытно, что среди в целом скандинавских персонажей (данов, гаутов, фризов и т. д.) Оффа и Трюд принадлежат англ-ской легендарной истории.

1942. Пряха согласия — кеннинг для женщины.

1944. Хемминг был то ли братом Гармунда (т. е. дядей Оффы), то ли тестем Гармунда или самого Оффы. В ст. 1944 родич Хемминга — Оффа, а в 1961-м — его сын Эомер.

1970. Победитель Онгентеова — т. е. Хигелак (ср. Сигурд в «Старшей Эдде» — Убийца Фафнира).

1983. Дочь Хереда. — т. е. Хюгд (см. ст. 1689).

1995 след. *… умолял не искать встречи с чудищем… соперничать с Гренделем.* — Утверждается, что Беовульфа отговаривали от похода против

Гренделя, но это противоречит предыдущим словам в поэме. Ранее (ст. 202–204) сказано, что его соратники и старейшины не возражали против похода, а даже поддержали его, доверившись добрым знамениям. Сам Беовульф позже сообщает Хродгару, что был благословлен на подвиг.

2022. Фреавару. — В рассказе Беовульфа Хигелаку появляются важные детали, которые ранее были неизвестны. Так впервые упоминается дочь Хродгара — Фреавару (в речи Вальхтеов говорится лишь о сыновьях), впервые назван по имени один из погибших воинов — Хандскио (см. ст. 741), а также впервые описана сума Гренделя, т. е. мешок для жертв.

2025. Фрода, король хадобардов, скорее всего, является врагом Хальфдана — отца датских принцев Херогара, Хродгара и Хальги. По поздней и отрывочной традиции, именно Фрода убил Хальфдана, за что его в свою очередь настигла месть сыновей погибшего. Хотя в «Беовульфе» это прямо не говорится, по контексту и по аналогиям из других источников (например, из «Деяний датчан» Саксона Грамматика) можно выстроить эту линию конфликта как вероятную. Следует отметить, что до сих пор нет ответа на вопрос, кто именно называется хадобардами: их пытались

отождествить и с лангобардами, и с другими германскими народами, однако все выдвинутые гипотезы неубедительны.

2052. … *без отмщенья…* — В оригинале употреблено редкое, больше нигде не встречающееся слово, обычно трактуемое как «воздаяние» или «месть». Некоторые исследователи считают, что это имя — Видергюльд, известный как предводитель хадобардов, возможно, отец того самого воина, что подстрекает Ингельда к мщению.

2069 след. Примечательно, что Беовульф хвалится своей победой над Гренделем и его матерью до самой битвы.

2108 след. … *то он пел нам… сердце старца печалью полнилось…* — Речь идет о древнеанглийских элегиях. Возможно, что певцом в данном случает выступает сам Хродгар.

2158. Херогар — т. е. старший брат Хродгара.

2166 след. … *так и должно дружиннику… соратников и сородичей.* — Один из примеров дидактических отступлений. Следует заметить, что адресата этих строк определить точно невозможно.

2191. Наследие Хределя — имеется в виду меч, который автор в дальнейшем описывает.

2195. Семь тысяч земли. — Мера измерения

земельных участков. Хид (hid) приблизительно равен 120 акрам. Владения Беовульфа были равны семи тысячам хидов.

2201 след. Хигелак сгинул, и Хардред // от меча погиб. — Хигелак пал в своем несчастном франкском походе (ст. 1204 след.), а его сын Хардред — в войне со шведами (ст. 2383) — см. примечание к ст. 2379 след.

2205. Скильвинги — династия шведов.

2206. Хererик — т. е. дядя Хардреда (брат Хюгд).

2208. Пять десятков зим — здесь, как и ранее, количество зим условно (ср. примечание к ст. 1769).

2210–2231. Одно из темных мест текста поэмы, смысл которого сложно понять по причине низкой сохранности подлинника.

2223. Нерадивый слуга старейшины. — Возможно, имеется в виду, что вор, вызвавший гнев дракона, был пленным рабом. Совершив злодеяние, он бежал от правосудия. Позже чашей будет владеть Беовульф.

2262. *… не вьется сокол…* — Имеется в виду дрессировка соколов, популярная в Швеции VII века. В Англии соколиная охота распространится в VIII веке.

2309 след. *… а вскоре и конунг // с жизнью рас-*

сталсяˌ нашел кончину. — Следует обратить внимание, что настоящий исход предсказывается ранее.

2323 след. Один из примеров параллелизма в древнегерманском эпосе: дом Беовульфа сгорает подобно Хеороту.

2328 след. *… и думал всемудрый, что Бог гневится…* — Подразумевается, что гнев дракона связан с грехами Беовульфа, однако с какими именно, остается неясным.

2354 след. Автор дает новые подробности о походе.

2362. Хетвары — т. е. племя хаттуариев.

2395 след. *… зимним походом…* — Скорее всего подразумевается зимняя битва, упомянутая в оригинале. Знаменитое сражение Эадгильса с Онелой (в скандинавской традиции — Адиль и Али) произошло на льду озера Венерн.

2494. *… ни войска гепидского.* — Гепиды — родственное готам племя, переселившееся в низовья Дуная. Было уничтожено лангобардами.

2496. *… на слабых ратников* — Речь идет о воинах более слабых, чем герой-Беовульф.

2572 след. *… коль скоро впервые в жизни // Судьба не хранит его в единоборстве, // в победной битве.* — Одно из темных мест в тексте поэмы.

2584 след. *… не лучшим образом ему служило // лезвие славное.* — Один из примеров литоты: осуждается не только меч, но и кто угодно другой, кто не проявит себя в битве.

2595 след. *… и не нашлось под рукой у конунга… бла*городного воинства. — Интересно, что Беовульф сам приказал воинам дожидаться в укрытии.

2601 след. По одной из версий, Вагмундинги, как и Вульфгар (см. ст. 349), были связаны с венделами — племенем, поддержавшим Онелу в борьбе против Онгентеова и его сыновей. Это объясняет высокое положение Вульфгара при датском дворе и может пролить свет на загадочный факт: отец Виглафа, Веохстан, когда-то сражался на стороне Онелы и даже убил принца Эанмунда, но сам Виглаф стал ближайшим соратником Беовульфа.

2617 след. … однако Онела // за смерть племянника не мстил убийце. — Онела не стал мстить, так как племянник был в изгнании и фактически потерял связь с семьей.

2632 след. После того как Виглаф сбегает в лес, он возвращается к Беовульфу.

2674 след. *… но родича родич… у*крыл железной // доской от пламени. — Имеется в виду, что герои прикрываются одним щитом.

2679. *… но преломился … Нэглинг…* — Как и меч Хрунтинг, Нэглинг оказался бесполезным в бою.

2702 след. Хотя по тексту дракона убивает Виглаф, честь победного удара отдана Беовульфу. Сам Виглаф называет себя лишь помощником.

2746 след. Последнее желание Беовульфа — взглянуть на сокровища.

2804. На Мысе Китовом. — Достоверно неизвестно, имеется ли в виду конкретное место, или оно придумано автором.

2889 след. Уж лучше воину // уйти из жизни, чем жить с позором! — Подразумевается, что воины, не принявшие участия в сражении, не могут продолжить вести обыкновенную жизнь.

2921. Меровинги. — Набирающая силу франкская династия.

2960. Хредлинги — потомки Хределя, т. е. Хадкюн и Хигелак.

2995. *… дано сто тысяч землей и кольцами…* — Имеется в виду мера ценности — предположительно скеат, равный динарию.

3010 след. *… а с ним и* сокровища… в огне да сгинут… — Беовульф был уверен, что сокровища принесут пользу его народу, однако глашатай предлагает сжечь их вместе с героем. От этой идеи отказываются, а клад закапывают.

3018 след. … *коль скоро пленная // жена за недругами пойдет на* чужбину… — Распространенный для древнегерманского эпоса образ. Имеется в виду, что взятие в плен женщин — свидетельство окончательного поражения.

3021 след. … *морозным утром*… — Имеется в виду, что битвы начинались ранним утром.

3070–3074. Одно из темных мест в тексте поэмы. Существует множество интерпретаций, однако ни одну из них нельзя назвать убедительной.

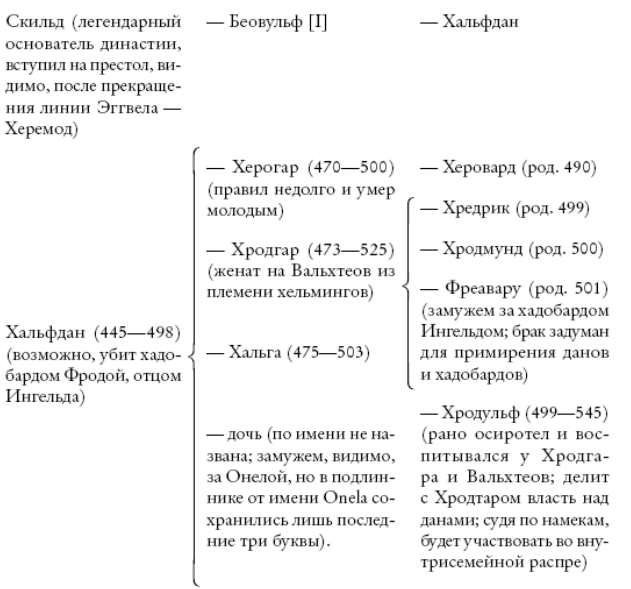
3079 след. Наших советов не принял пастырь… — Интересно, что непосредственно в текстах поэмы о советах не сказано.

3150 след. Существует версия, что плакальщица у погребального костра — вдова Беовульфа, но ее нигде не упоминают, что делает эту гипотезу маловероятной. Скорее всего, герой был одинок. Хотя его жизнь вписана в исторический контекст, он будто бы идет рядом с событиями, а не внутри них. Он не мстит за Хардреда, не участвует в шведско-гаутских войнах, и даже в походе с Хигелаком действует как обычный дружинник. Его враги — чудовища, а не реальные враги эпохи. Вероятно, его полувековое правление — литературная условность. У него нет потомков, и имя не перекликается с именем отца (что хоть и не

обязательное, но частое явление). Поэтому оплакивает его, скорее всего, безымянная женщина.

В. Львов

Датский дом (даны, ингвины, скильдинги)

Гаутский дом (гауты, ведеры, хредлинги)

Хредель (495—503) (умер, не пережив гибели старшего сына)

- — Херебальд (470—502) (убит Хадкюном на охоте)
- — Хадкюн (472—510) (занял престол после смерти отца, убит в войне со шведами)
  - — дочь (от первого брака) (замужем за Эовором, убившим Онгентеова)
  - — Хардред (от второго брака; 511—533. Погиб в войне со шведами против Онелы)
- — Хигелак (475—521) (женат на Хюгд, дочери Хереда; одержал победу над шведским конунгом Онгентеовом после гибели Хадкюна, погиб во франкском походе)
- — дочь (по имени не названа, замужем за Эгттеовом из семьи Вагмундингов, мать Беовульфа)

Шведский дом (шведы, скильвинги)

Онгентеов (450—510) (погиб от руки гаута, [?] Эовора в войне против Хадкюна и Хигелака)

- — Охтхере (478—532) (нет уверенности, что он старше Онелы, и нет данных о его правлении)
- — Онела (480—535) (видимо, женат на дочери Хальфдана; ср. сказанное о ней. Одержал победу над гаутами после гибели Хигелака, в кампании под его началом пали Эанмунд и Хардред; убит в сражении против Эадгильса)
  - — Эанмунд (505—533) (бежал с братом к гаутам после воцарения Онелы и убит им в том же походе, что и Хардред)
  - — Эадгильс (род. 510, хотя ничто не подтверждает прямо, что он младший из двух братьев. Бежал с Эанмундом к гаутам, в 535 г. победил Онелу и стал королем)